18+

Крион Маккон

Резонанс судьбы

Крион Маккон

Резонанс судьбы

«Издательские решения»

Маккон К.

Резонанс судьбы / К. Маккон — «Издательские решения»,

Бывший шахтёр Залтор находит своё призвание в искусстве остеопатии. На планете Люмия, где дома растут из земли, стены умеют говорить, а роботы чувствуют, он создаёт Сенну — круг тех, кто не уходит. Когда древний энергетический канал, питающий город, оказывается зажат тектоническими плитами, Залтору предстоит совершить невозможное — исцелить целую планету. История о руках, которые помнят, и о тишине, которая лечит.

© Маккон К.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая 6
Глава 1. Дар Отливов 6
Глава 2. Печь и Спорщик 9
Глава 3. Колодец Стыда 13
Глава 4. Дева Перепутанных Вещей 16
Глава 5. Перевозчик и Чаша Забвения 20
Глава 6. Яйцо Середины Мира 24
Глава 7. Тишина и Лапоть 27
Глава 8. Чешуя и Водоворот 30
Глава 9. Возвращение 33
Глава 10. Эхо-17 37
Глава 14. Первый урок 52
Глава 16. Диагноз для прохожего 59
Глава 17. Быстрый, дешёвый, чужой 64
Конец ознакомительного фрагмента. 65

Резонанс судьбы

Крион Маккон

© Крион Маккон, 2026

ISBN 978-5-0071-6462-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Глава 1. Дар Отливов

Очнулся Залтор от того, что песок въелся в щёку.

Солнце Люмии — нежное, рассеянное — только начинало золотить горизонт. Где-то кричали птицы, похожие на смеющихся детей. Волна лизнула его босую ступню и откатилась.

Он сел. Голова гудела, как пустой резонатор.

Что было до? Всплывали обрывки: палуба «Безмолвного Странника», чей-то крик, зелёная вспышка. И тишина. Глубокая, как океанская бездна. А потом — ничего.

Залтор огляделся. Остров.

Не такой, как «Спящее Сердце». Этот был меньше, диче. Вместо светящихся деревьев — корявые стволы, облепленные мхом, переливающимся тусклой бирюзой. Песок не белый, а серебристый, будто кто-то растёр старые звёзды.

А в двадцати шагах — лачуга.

Он сразу понял, что это люмианская лачуга, хотя ни одной прямой линии в ней не было. Стены сплетены из живого корня — такие росли в Шепчущих Тенях, но здесь они были тоньше, суше. Сквозь прутья сочился слабый золотистый свет — гриб-светляк в глиняном горшке под крышей. Крыша — из спрессованных водорослей, пахнущих солью и чем-то пряным.

Дверь не открывалась. Она раздвигалась — две створки из рыбьей кожи, натянутой на каркас из позвонка.

Залтор шагнул внутрь.

Внутри было тесно, сухо и пахло старостью.

Она сидела в углу на корточках — не на стуле, а именно на корточках, поджав колени к груди, как птица. Та самая старуха. Он узнал её не лицом — лицо он не запомнил — а жестом. Тем самым гордым, скупым жестом оплаты нейро-кафе последними сбережениями. Тогда, в Шепчущих Тенях, она показалась ему просто нищей. Теперь он понял: нищие не сидят так спокойно.

Она не вязала носок. На Люмии не вязали носков.

Она плела тишину.

Залтор видел, как её пальцы — узловатые, но быстрые — перебирали нити пустоты. Такие нити продавали в лавках для медитаций: они не имели цвета и веса, но если сплести их

особым узлом, они гасили звук в радиусе трёх шагов. Она сидела в центре такого узла, и даже дыхание её не было слышно.

— Садись, — сказала старуха. Голос — сухой треск, как ветки под ногой.

Залтор сел на циновку из спрессованной травы. Не спросил «где я». Не спросил «как уйти». Вместо этого он спросил единственное, что имело значение:

— Чего ты от меня хочешь?

Старуха хмыкнула. В свете гриба её тень на стене дёрнулась, будто живая.

— Ничего, — ответила она. — Я здесь просто сижу.

И, не объясняя больше ничего, протянула ему три предмета.

Они лежали на её сухой ладони, нагретые её теплом.

Первый — рыбья чешуя. Не простая — серебряная, с неровным краем, будто обломанная. Внутри мерцал крошечный рубин, застывший в слое чешуи.

Второй — позвонок. Маленький, как горошина, с тремя отверстиями вместо двух.

Третий — пуговица. Костяная, с выцарапанной на ней спиралью. Такие пуговицы носили на кристаллонах капитаны дальнего плавания — на удачу.

— Это на три случая, — сказала старуха. — Когда окажешься в тупике, брось один. Потратишь — дальше сам.

Залтор взял предметы. Чешуя обожгла палец холодом. Позвонок был тёплым, как живой. Пуговица — совсем нейтральной, ни тепла, ни холода.

— А если я потеряю их?

— Не потеряешь, — усмехнулась старуха. — Они сами тебя найдут.

Она снова взялась за нити пустоты. И добавила, не поднимая глаз:

— Иди к хребту. Там старый гризли мучает спину. Если вправишь ему позвонки — твоё счастье начнётся. Если нет… что ж, океан большой. Места всем хватит.

Залтор хотел спросить, какой ещё гризли, какие позвонки, и почему он, бывший шахтёр и ловец удачи, вдруг должен лечить чью-то спину. Но старуха уже замолчала. По-настоящему замолчала — её аура погасла, и он понял, что она ушла внутрь себя, глубже, чем любая медитация.

Он вышел.

Песок под ногами был серебряным. В кармане штанов лежали три странных дара. Голова всё ещё гудела, но теперь — иначе. Словно кто-то настроил её на новую волну.

Хребет. Гризли.

Залтор вздохнул и пошёл туда, куда показала старуха. Восходящее солнце Люмии светило ему прямо в спину, и тень его была длинной и одинокой.

Первый случай не заставил себя ждать.

Глава 2. Печь и Спорщик

Хребет оказался не камнем, а костью.

Залтор понял это, когда подошёл ближе. Из песка торчали рёбра — огромные, выбеленные солнцем и временем, каждое толщиной в его руку. Они уходили вверх, образуя подобие арки, а за аркой чернел провал — бывшая грудная клетка существа, которое местные назвали бы левиафаном.

У подножия этой костяной арки стояла печь.

Она была старая — из тех, что топят вечным пламенем. Такие ставили на Люмии в заброшенных деревнях: раз зажгли, и горит десятки циклов, не требуя дров. Глиняные бока печи потрескались, из трещин сочился ровный оранжевый свет, похожий на закат. Над печью висела чугунная плита, а на плите — пустой закопчённый чайник.

А перед печью, спиной к теплу, сидел гризли.

Залтор никогда не видел гризли вживую, но сразу понял: это он. Не медведь с Земли — люмианский родич: шерсть не бурая, а серая, с синим отливом, будто сталь. Глаза маленькие, умные. И главное — спина. Гризли горбился так, что морда почти касалась песка. Каждый вздох давался ему с хрипом, и он то и дело перекладывал лапы, пытаясь найти позу без боли.

— Спина? — спросил Залтор, подходя.

Гризли скосил на него глаз. Фыркнул. И кивнул.

Как человек. Залтор даже не удивился. На Люмии такое случалось.

Он уже протянул руку, чтобы ощупать хребет, как вдруг из печи раздался голос.

— Не трожь! — рявкнул кто-то изнутри, звонко и дребезжаще, как удар по пустому ведру. — У тебя спина-то есть, чтоб в чужие позвонки лезть?

Залтор отдёрнул руку.

Из жерла печи, прямо сквозь пламя, высунулась голова.

Она была маленькая, лысая, с угольными глазами и ртом, растянутым в вечной усмешке. Шеи не было — голова переходила сразу в туловище, которое сидело в огне, как в ванне. Печник — или дух-печник, как он сам себя назвал через секунду — жевал уголёк и сплёвывал искры.

— Залтор, значит, — сказал он, не спрашивая, откуда знает имя. — Шахтёр, ловец, а теперь ещё и массажист хренов. Добро пожаловать. Я тут главный по теплу и советам. Давай, спрашивай, пока не сгорел.

Залтор сел на песок напротив печи. Гризли за его спиной заворчал — то ли от боли, то ли от нетерпения.

— Мне сказали вправить ему позвонки, — сказал Залтор.

— Сказали, — кивнул Печник. — А ты умеешь?

— Нет.

— Ну так учись. Я тебе три совета дам. Два — чушь, один — правда. Выберешь правду — будет тебе счастье. Выберешь чушь… — он хохотнул, и изо рта вылетело облачко сажи. — Ну, тоже будет счастье. Только другое.

Печник высунулся из жерла по пояс. У него были короткие руки с длинными пальцами, все в трещинах, как старая земля.

— Совет первый, — провозгласил он. — Гризли боится холода. Нужно положить ему на спину лёд — позвонки сами встанут на место.

Залтор посмотрел на гризли. Тот в ответ посмотрел так, будто услышал глупость, но спорить не стал.

— Совет второй, — продолжал Печник. — Позвонок вправляется только словом. Нужно прошептать гризли на ухо его родовое имя — и кости подчинятся. Только имя ты не знаешь. И никто не знает. Даже он сам, — дух кивнул на гризли. — Забыл. Старый уже.

— Совет третий, — сказал Залтор. — Будет третий?

— А ты нетерпеливый, — усмехнулся Печник. — Третий: Возьми горсть золы из моей печи, смешай со слюной и вотри в больное место. Сначала будет жечь — потом отпустит.

Дух откинулся на спинку из пламени и сложил руки на животе.

— Выбирай. Лёд. Слово. Зола.

Залтор молчал. В голове было пусто — как в тот момент, когда он очнулся на песке. Ни знаний, ни навыков, ни даже подсказки.

А потом он вспомнил про дары.

Рука сама полезла в карман. Нащупала три предмета: чешую, позвонок, пуговицу. Какой из них мог помочь?

Он вытащил позвонок — маленький, тёплый, с тремя дырочками. Ничего не произошло. Тогда он зажал его в кулаке и закрыл глаза.

И вдруг понял.

Позвонок. Три отверстия. Три совета.

Он поднёс позвонок к одному глазу и посмотрел сквозь самую большую дырочку на Печника.

И увидел.

Дух сидел в огне, но тени его рук падали на стену печи странно — не совпадали с движениями. Одна рука шевелилась, а тень от неё — нет. Там, в тени, была вторая пара рук. И эти вторые руки держали что-то похожее на… на позвонок. Только огромный, размером с таз.

Печник поймал его взгляд и дёрнулся.

— Ты чего это? — спросил он с подозрением. — Не подглядывай! Я тебе совет даю, а не экскурсию по моей печи!

Залтор опустил позвонок. Убрал обратно в карман.

— Я выбрал, — сказал он.

— Ну?

— Зола.

Печник замер. На долю секунды его усмешка стала шире — или это только показалось?

— Зола так зола, — пожал плечами дух. — Лезь в печь, набирай. Только не обожгись.

Залтор не полез в печь. Вместо этого он встал, подошёл к гризли, опустился на колени у его спины и просто положил ладони на хребет. Ни золы, ни слов, ни льда.

Он просто ощупал позвонки — один за другим. Нашёл тот, что выпирал больше остальных. И — мягко, почти нежно — надавил.

Кость хрустнула. Гризли вздохнул — глубоко, свободно, как не дышал, наверное, годами. Выпрямил спину. Морда его больше не смотрела в песок.

Залтор убрал руки. Гризли повернул голову, посмотрел на него долгим взглядом. В жёлтых глазах не было благодарности — было что-то другое. Узнавание.

— А совет? — растерянно спросил Печник из печи. — Ты же выбрал золу!

— Я не выбирал совет, — сказал Залтор, вытирая руки о штаны. — Я выбрал не слушать того, кто врёт даже тенью.

Он вытащил из кармана позвонок — маленький, тёплый, бесполезный. Показал Печнику.

— Сквозь эту дырочку видно, что у тебя есть вторая пара рук. И они держат точно такой же позвонок, только здоровенный. Ты сам вправлял ему спину когда-то, да? А теперь притворяешься, что не знаешь как.

Печник молчал. Потом засмеялся — искренне, громко, так, что из печи вылетел сноп искр.

— Ай да шахтёр! Ай да ловец! — дух вытер выступившие на глазах угольные слёзы. — Ну правильно. Лёд — чушь. Слово — чушь. А зола… зола тоже чушь. Я все три совета чушью дал. Хотел посмотреть, какой дурак полезет в печь за золой или начнёт шептать имя, которого нет.

— А ты, — он ткнул пальцем в сторону Залтора, — не полез. И не шептал. Просто взял и сделал. Потому что руки твои помнят то, чего голова не знает.

Гризли тем временем встал. Отряхнулся. Сделал несколько шагов — ровно, без хрипа. Потом обернулся и коротко кивнул Залтору. Так, по-мужски.

И побрёл прочь — вверх по склону, к зарослям серебристого кустарника.

— Теперь он тебя не забудет, — сказал Печник уже спокойнее. — И ты его. Такие вещи не забываются.

Залтор посмотрел вслед гризли. Потом перевёл взгляд на духа.

— Куда дальше?

— А куда хочешь? — хмыкнул Печник. — Остров маленький. В любом месте упрёшься в океан. Но если хочешь моего совета… — он замялся. — Настоящего совета.

— Давай.

— Иди к старой пальме, что растёт из черепа. Та, что на северном берегу. Под ней зарыто то, что ты потерял. Не память — другое. Важнее.

— Что именно?

— А вот выкопаешь — узнаешь.

Печник нырнул обратно в огонь. Из жерла донеслось:

— И не вздумай благодарить! Я дух вредный. Я должен быть склочным. А ты меня обезоружил. Нехорошо.

Залтор улыбнулся — впервые с того момента, как очнулся на песке.

Он поправил ремень, нащупал в кармане три дара — чешую, позвонок, пуговицу — и пошёл на север, туда, где из песка торчал череп и на нём росла пальма.

Солнце стояло в зените. Тень его стала короче. Но одиночество — нет.

Глава 3. Колодец Стыда

Пальма оказалась старой, как сама Люмия.

Она росла прямо из черепа — не человеческого, конечно. Череп принадлежал тому же левиафану, чьи рёбра образовывали хребет. Глазницы смотрели в море, в них набился песок и мелкие ракушки. А из макушки, пробив кость, тянулся вверх корявый ствол, увенчанный пучком сизых листьев.

Залтор шёл долго.

Солнце поднялось высоко, и песок под ногами стал горячим, как сковорода. Жажда пришла не сразу — сначала была сухость на губах, потом ком в горле, а потом уже настоящая, дикая жажда, когда язык прилипает к нёбу и кажется, что выпьешь хоть солёную воду, хоть свою собственную мочу.

Он вспомнил, как в шахтах Глубинных Рудников пили из общей фляги, передавая её по кругу, и вода всегда была тёплой и пахла ржавчиной. Но сейчас он отдал бы всё, что у него есть — три дара старухи, пустые карманы, даже это дурацкое ощущение собственной важности — за один глоток холодной воды.

И тогда он увидел колодец.

Он стоял в тени пальмы, наполовину занесённый песком. Сруб — если это можно было назвать срубом — был сложен из позвонков того же левиафана, скреплённых чем-то похожим на цемент, но светящимся изнутри слабым голубым светом. Над колодцем висела ржавая цепь, на цепи — бадья, вся в зелёном мху. Мох шевелился.

Залтор подошёл, перегнулся через край и заглянул внутрь.

Внизу была не вода.

Внизу было лицо.

Сначала он подумал — отражение. Но отражение не может быть моложе тебя на десять циклов. Не может смотреть с укором. Не может знать.

Залтор смотрел на себя прежнего.

Молодой, лет двадцать пять по земным меркам. Короткая стрижка, чистая туника — тогда он ещё носил чужую форму. На груди значок «Спина-Свет» — крупнейшая сеть остеопатических центров в Шепчущих Тенях. На лице — улыбка. Лживая.

Отражение заговорило. Не голосом — прямо в голове, как люмианская телепатия, но грубее, навязчивее.

— Ты помнишь её, Залтор? Старуху с тремя грыжами. Она пришла к тебе в первый же день. Платила копейки, потому что больше не могла. А ты делал ей больно — по-настоящему больно — потому что так было надо. И она терпела. И благодарила.

Залтор отшатнулся от колодца. Сердце заколотилось.

— Это было давно, — сказал он в пустоту. — Я был молод. Я учился.

— Ты крал, — ответил колодец.

Картинка сменилась. Теперь он видел себя в кабинете начальника. Толстый люмианец с перстнем на каждом пальце. Он выложил на стол кристалл — список клиентов. Всех, кого Залтор вёл за последние два года.

— Подпиши, — сказал начальник и подал магнитную плёнку для фиксации личного кода. — Это стандартный договор о неразглашении.

Залтор не подписал. Он ушёл в ту же ночь, прихватив кристалл с собой.

Потом были другие центры, другие клиенты — те самые, чьи имена лежали в украденном кристалле. Он звонил им по одному. Предлагал лучшие условия. Говорил, что старая компания обманывает их. Что он, Залтор, теперь сам себе хозяин и сделает скидку.

— Ты врал, — сказал колодец. — Ты не делал скидку. Ты брал те же деньги, просто теперь они все были твои. А компания потеряла треть клиентов. И закрылась через полцикла.

Залтор опустился на песок. Руки тряслись.

Он хотел засыпать этот колодец. Забросать песком, камнями, тем мхом, что шевелится на цепи. Хотел забыть. Потому что стыд был живой — он царапался изнутри, как тот самый гризли, пока Залтор не вправил ему позвонки.

Он протянул руку к куче песка. Сжал горсть.

И замер.

В кармане что-то шевельнулось.

Он достал предметы старухи — чешую, позвонок, пуговицу. Все три лежали на ладони. И вдруг позвонок, тот самый, сквозь который он подглядел за Печником, выпал из руки… и покатился.

Прямо в колодец.

— Нет! — крикнул Залтор.

Но было поздно. Позвонок исчез в глубине, не ударившись о стенки — просто пропал, как будто его и не было.

Залтор замер, ожидая, что колодец покажет ему что-то ещё. Ещё более стыдное. Ещё более мерзкое.

Но ничего не произошло.

Вода внизу — если это была вода — успокоилась. Отражение исчезло. Осталась только темнота и запах сырости.

А потом из колодца поднялся свет.

Не голубой, как раньше. Золотой. Тёплый. Он поднимался медленно, как пузырёк воздуха из глубокого моря, и когда достиг края — рассыпался на сотню искр.

Одна из них упала Залтору на ладонь и превратилась… в позвонок.

Целый. Невредимый.

Но другой.

Он стал тяжелее. И внутри него теперь не было пустоты — там что-то мерцало, как далёкая звезда.

Залтор посмотрел в колодец в последний раз.

Ему по-прежнему хотелось пить. Но жажда уже не казалась такой важной.

Он встал. Отошёл на три шага. Остановился.

Хотел засыпать — не засыпал. Хотел забыть — не забыл. Хотел уйти — остался.

Он поднял голову. Пальма шелестела листьями. Череп под ней смотрел пустыми глазницами в небо.

— Ладно, — сказал Залтор сам себе. — Было. Я это сделал. Мне стыдно. Но я больше так не делаю.

Он сказал это вслух. И почему-то стало легче.

Не намного. Но достаточно, чтобы сделать следующий шаг.

Он пошёл дальше — вдоль берега, туда, где из воды торчали окаменевшие рёбра левиафана, образуя подобие арки. За аркой, как сказал Печник, было то, что он потерял. Не память. Другое. Важнее.

Залтор шагал по серебряному песку, и в кармане его лежали три дара. Чешуя. Пуговица. И позвонок — новый, с мерцающей звездой внутри.

Первый он потратил. Осталось два.

Глава 4. Дева Перепутанных Вещей

Джунгли начались не с деревьев — с запаха.

Сначала пахло гнилью и мёдом одновременно, потом — сырой шерстью, потом — чем-то сладким, как детство. Залтор шагнул под первую арку из лиан — и мир перевернулся.

Не буквально. Почти.

Ветки здесь росли корнями вверх. Мох свисал с земли, а трава торчала с неба — вернее, с потолка из сплетённых крон. Где-то в вышине пищала птица, которая, судя по звуку, ходила на четырёх лапах. А когда Залтор наступил на что-то мягкое, оказалось, что это чья-то шляпа.

Чья — неизвестно. На Люмии шляпы носили только очень старые или очень странные.

Залтор хотел почесать затылок — и не смог.

Потому что руки его были заняты.

Он нёс бадью.

Ту самую, с колодца. Она сама прыгнула ему в руки, когда он отошёл на десятый шаг. И теперь висела на его локтях, тяжёлая, мокрая, с цепью, которая норовила обмотаться вокруг шеи. Бросить он её не мог — потому что внутри бадьи лежала пуговица. Та самая, костяная, со спиралью. Почему она перебралась из кармана в бадью — Залтор не знал. Как и того, почему бадья не желала отпускать его локти.

Может, колодец обиделся. Может, так надо.

В любом случае, руки были заняты полностью. Ладони не разжать. Пальцы не шевельнуть. Залтор мог только идти, переставляя ноги, и изредка отбиваться от веток локтями.

В джунглях становилось всё страннее.

На ветке висела пара сандалий. Не люмианских — веродарских. Такие носили в шахтах Глубинных Рудников: резиновые, с толстой подошвой, в грязи. Залтор узнал их по запаху. И очень удивился.

Чуть дальше из дупла торчала тарелка с чем-то горячим. Не суп — каша, кажется. Пар шёл. Залтор даже понюхал: буранька. С джемом асилки. На секунду он забыл о жажде — захотелось есть. Но как возьмёшь тарелку, если руки в бадье?

Он нашёлся и вытянув губы трубочкой всосал ароматную кашицу, благо она была совсем жиденькой. По всему организму разлилось приятное тепло.

Потом он увидел паука.

Тот сидел между двух лиан и не плел паутину. Он плел штаны. Маленькие, детские, с завязками. Пальцы-лапки мелькали так быстро, что Залтор не успевал следить. Паук поднял голову, посмотрел на него восемью глазами и сказал:

— Занят. Иди джунглями.

И указал лапкой вправо.

Залтор пошёл прямо.

Он шёл, спотыкаясь, чертыхаясь и стараясь не уронить бадью. Цепь гремела. Ноги устали. И тут он понял: пуговицы в бадье больше нет.

Он остановился. Замер. В бадье лежал какой-то клубок ниток — синих, шерстяных, и больше ничего.

Залтор выругался. Коротко. По-шахтёрски.

Пуговица пропала. Второй дар старухи — пропал.

Он огляделся. Джунгли молчали. Только где-то в листве засмеялись.

Смех был красивый — как ручей, как колокольчик, как первая зарплата, которую не надо ни с кем делить. Залтор повернул голову на звук и увидел её.

Дева джунглей.

Она сидела на ветке, которая росла вниз головой, поэтому она тоже висела вверх ногами, но держалась так естественно, будто всю жизнь только и делала, что перевёртывалась. Волосы — зелёные, с мелкими цветами — стелились по воздуху, не касаясь земли. Глаза — два болотных огонька. Улыбка — хитрая, как у кошки, которая знает, где лежит рыба.

В одной руке она держала пуговицу Залтора. В другой — чайник. Пустой, закопчённый, похожий на тот, что стоял на печи у Печника.

— Ищешь? — спросила Мавка.

— Отдай, — сказал Залтор. Руки его были в бадье, локти болели, и он чувствовал себя глупо.

— А что дашь?

— Ничего.

— А бадья?

— Не отдам.

— А руки?

— Заняты.

Мавка хмыкнула. Перекувырнулась в воздухе — плавно, как лист — и оказалась на соседней ветке, уже правой стороной вверх.

— Скучный ты, — сказала она. — Все ловцы удачи весёлые, а ты скучный. Как старый гриб.

— Отдай пуговицу, — повторил Залтор. — Пожалуйста.

— А чайник зачем тебе? — не унималась Мавка. — Ты чай пить собрался? Руки-то заняты. Как ты чайник держать будешь?

Залтор промолчал. Он хотел ответить грубостью, но что-то остановило. Может, смех в её глазах. Может, собственная беспомощность.

— Ты меня разыгрываешь, — сказал он наконец.

— А ты только заметил? — обрадовалась Мавка.

Она спрыгнула с ветки, подошла вплотную и, пока Залтор пытался отстраниться, ловко сунула ему пуговицу не в карман — карманов у него на штанах почти не осталось — а за ухо. Как карандаш.

— Это тебе, — сказала она. — А это мне, — и она вытащила из бадьи клубок синих ниток, который Залтор принял за пропажу.

— Это была не твоя пуговица, — сказала Мавка, вертя клубок в пальцах. — Это был мой клубок. Я его в бадью положила, пока ты шёл. А пуговицу взяла, потому что она красивая. Но я отдам. Я не воровка. Я — перекладывательница.

— Зачем?

— А затем, — Мавка вздохнула, как учительница, уставшая от глупых вопросов, — что у тебя всё на своих местах лежит. Скучно. А я люблю, когда вещи путешествуют. Когда сапоги на дереве, а белка в сапоге. Когда пуговица за ухом, а мысль — в пуговице.

Она протянула ему пуговицу. Залтор взял её… локтем. Потому что локти были ближе. Получилось неловко, но пуговица прилипла к коже, будто магнит.

— А теперь, — сказала Мавка, — уходи. Ты мне надоел. Ты даже не смеёшься.

— А над чем смеяться?

— Над тем, что ты полчаса нёс бадью, а в ней ничего не было, кроме моего клубка. Твоя пуговица всё это время была у тебя за ухом. Ты не проверял?

Залтор пошевелил ухом. Пуговица и правда была там.

И он засмеялся.

Сначала нехотя, потом громче, потом — так, что из джунглей вылетели все птицы, даже те, что ходили на четырёх лапах. Он смеялся над собой, над бадьёй, над связанными руками, над тем, как глупо выглядит здоровый мужик с чугунной посудиной на локтях.

Мавка смотрела на него и улыбалась. Довольная.

— Вот теперь хорошо, — сказала она. — Теперь ты готов идти дальше.

— Куда?

— Туда, где твои руки понадобятся. А здесь они не нужны. Здесь всё делается локтями, ушами, ртом и носом. Ты и сам это понял, да?

Залтор кивнул.

Он пошёл дальше — с бадьёй на локтях, с пуговицей за ухом и позвонком в кармане. Чешуя — третий дар — пока лежала там же, не потраченная.

Джунгли за его спиной снова зашевелились — Мавка уже перекладывала вещи обратно.

Залтор не оборачивался. Он улыбался.

И это было важнее любой находки.

Глава 5. Перевозчик и Чаша Забвения

Залтор шёл долго.

Джунгли кончились так же внезапно, как начались: последняя лиана осталась за спиной, и он вышел на глинистый берег, где не росло ничего, кроме тощей, выгоревшей травы. Бадья на локтях всё ещё звенела, хотя он давно привык к этому звуку и почти не замечал.

На плече у него сидел паук.

Тот самый, что плёл штаны.

Залтор не знал, когда паук перебрался на него. Может, в джунглях. Может, когда он смеялся над Мавкой. Паук был маленький, серый, с задумчивыми глазами — если у пауков бывают задумчивые глаза. Он не шевелился. Не плел. Просто сидел и смотрел.

— Ты чего прилип? — спросил Залтор.

Паук молчал.

— Будешь на мне ездить? — спросил Залтор.

Паук переставил одну лапку. Всё.

— Ладно, — сказал Залтор. — Сиди. Только не кусай.

Паук не кусал.

Дальше берег пошёл под уклон, и Залтор увидел реку.

Она не текла. Она стояла на месте, как озеро, но длинное-длинное — до самого горизонта. Вода в ней была чёрная, зеркальная, и в ней не отражалось небо. Вместо неба там шевелилось что-то серое, живое.

Забудь-трава.

Залтор слышал о ней. В Шепчущих Тенях старые шахтёры рассказывали: если упасть в такую реку, то через минуту забудешь, как тебя зовут. Через две — зачем живёшь. Через три — сядешь на дно и будешь сидеть, как овощ, пока трава не сожрёт твою память до костей.

Через реку был перекинут мост.

Один-единственный. Узкий, без перил, из почерневшего дерева. Он скрипел даже от ветра.

А перед мостом, на берегу, сидел перевозчик.

Мужик. Самый обычный — если не считать того, что обычные мужики не сидят на пустынных берегах с веслом в руках. Лицо у него было простое, незапоминающееся. Глаза — пустые, как у рыбы. На плече — заплата. На ногах — резиновые сапоги, в каких ходят в шахтах.

Он не поздоровался. Не спросил, кто такой и куда идёт. Вместо этого он молча протянул Залтору чашу.

Глиняная, грубая, с трещиной по краю. Внутри — что-то тёмное, пахнущее горечью и мятой одновременно.

Отвар.

Перевозчик не сказал ни слова. Просто держал чашу на вытянутой руке и смотрел мимо Залтора, куда-то в пространство.

— Это что? — спросил Залтор.

Перевозчик молчал.

— Для чего?

Молчание.

Залтор посмотрел на паука. Паук сидел на плече и тоже смотрел на чашу. Потом перевёл взгляд на Залтора. И, кажется, кивнул. Или не кажется.

— Ты чего? — спросил Залтор у паука. — Советуешь?

Паук сплёл маленькую нить. Обвил ею шею Залтора. И замер.

— А если я не хочу забывать? — спросил Залтор уже у перевозчика. — Что тогда?

Перевозчик чуть подвинул чашу ближе. И усмехнулся — одними уголками губ. Беззвучно.

Залтор взял чашу.

Руки его были свободны.

Да, именно в этот момент бадья решила отпустить его руки. Она просто свалилась на песок с глухим стуком, и цепь жалобно звякнула. Залтор даже не удивился. Он уже привык, что на этом острове всё происходит не тогда и не так, как надо.

Он поднёс чашу к губам.

И остановился.

Из чёрной воды поднялся туман — не над рекой, а прямо в его голове. И в тумане он увидел.

Маленькая комната в Шепчущих Тенях. Обшарпанные стены. На столе — кристалл с именами клиентов. Напротив — начальник. Толстый, с перстнями.

«Ты думаешь, ты первый, кто уходит с базой? — говорит начальник. — Ты десятый. И все возвращаются. Потому что без нас ты никто. Ты шахтёр, Залтор. Ты умеешь только копать и ныть.»

Залтор тогда не ответил. Он взял кристалл и ушёл.

А через год его бывшая компания закрылась. И начальник пришёл к нему сам — проситься на работу.

И Залтор… отказал.

Не потому, что был злым. А потому, что боялся. Боялся, что если возьмёт этого человека, то тот снова начнёт им командовать. Снова заберёт клиентов. Снова заставит чувствовать себя ничтожеством.

Он не простил. Он просто выбросил человека из своей жизни, как старую бадью.

И сейчас, глядя в чёрную воду, Залтор понял: это воспоминание тяжелее всех остальных. Не потому, что он украл базу. А потому, что он не смог проявить милосердие, когда мог.

«Ты — не бог, — говорила ему Фиркета однажды. — Ты не обязан прощать всех. Но ты обязан не превращаться в того, кого ненавидишь.»

Он превратился. На один день. На один разговор. Но этого хватило, чтобы осадок остался навсегда.

Залтор смотрел на чашу.

Один глоток — и он забудет. Забудет, как отказал тому толстяку. Забудет, как дрожали его руки после разговора. Забудет, что был слабым.

Но забудет ли он, почему тогда поступил правильно? Забудет ли, что имел право отказать? Забудет ли, что милосердие не всегда обязательно, особенно когда тебя топтали годами?

Он поднял глаза на перевозчика.

Тот стоял неподвижно, как статуя. Весло в одной руке, пустая вторая — протянута, будто для подаяния.

— Нет, — сказал Залтор.

И поставил чашу на песок.

— Я не хочу забывать. Это моя боль. Я её заслужил. Я с ней справлюсь.

Перевозчик посмотрел на него. Впервые — прямо в глаза.

И кивнул.

Один раз. Медленно. Потом взял чашу, вылил отвар в реку — забудь-трава зашевелилась, зачавкала, будто обрадовалась — и отошёл в сторону.

Дорога на мост была свободна.

Залтор шагнул на скрипучие доски. Паук на плече переставил лапку. Будто одобрил.

— Ты всё видел, — сказал Залтор пауку. — И молчал. Хороший свидетель.

Паук сплёл ещё одну нить. Теперь их было две.

Мост скрипел, но держался. Под ним шевелилась забудь-трава, тянулась вверх, но не доставала — Залтор шёл слишком быстро.

Он не обернулся.

Перевозчик остался на берегу — маленькая фигурка с веслом, похожая на надгробный камень.

А впереди, за рекой, начинался новый берег. Серебристый. Песчаный. И на нём что-то блестело.

Залтор ускорил шаг.

Паук на плече согласно качнулся.

Глава 6. Яйцо Середины Мира

За рекой берег стал белым.

Не песок — мел, мелкая крошка, которая хрустела под ногами, как наст в морозный день. Залтор шёл и оставлял за собой чёткие следы — единственные на много циклов вокруг. Паук на плече распустил две нити и теперь висел на них, как на страховке, покачиваясь в такт шагам.

— Ты бы хоть попросился, — сказал Залтор.

Паук молчал. Но нити подтянул.

Середина острова оказалась не холмом и не впадиной. Это была ровная площадка, выложенная чем-то похожим на костную мозоль — гладкая, серая, тёплая на ощупь. И в центре этой площадки лежал валун.

Валун был огромный — выше Залтора на две головы. Формой напоминал сидящего человека, ссутулившегося под тяжестью ноши. Поверхность его была покрыта знаками: не буквами, не рунами, а царапинами, которые оставляют когти, ветер и время. Кое-где налип лишайник — жёлтый, шелушащийся, похожий на старую краску. А в одном месте кто-то выцарапал кривую спираль — такую же, как на пуговице старухи.

На вершине валуна, в небольшом углублении, лежало гнездо.

Залтор присмотрелся.

Гнездо было свито из всего, что можно найти на острове: сухие ветки с корявого дерева, синие нитки (такие же, как те, что Мавка забрала из бадьи), обрывки рыбьей кожи, несколько волос — чьих-то, не люмианских, длинных и седых. Внутри гнезда лежало яйцо.

Оно было не гладким, не белым, не куриным. Оно было живым — серая матовая поверхность пульсировала, как кожа спящего зверя. Изнутри доносился слабый гул — низкий, ровный, похожий на работу старого генератора.

Залтор протянул руку — и отдёрнул.

Потому что в голове зазвучал голос. Не свой. Не чужой. Самого камня.

«Не трожь. Смотри. Думай.»

Залтор отошёл на шаг. Потом на два. Паук спрыгнул с плеча, пробежал по земле, забрался на валун и замер у края гнезда.

— Ты туда не лезь, — тихо сказал Залтор. — Раздавишь.

Паук не слушал. Он смотрел на яйцо.

А Залтор смотрел на паука — и понимал.

Это гнездо — не просто гнездо. Это сердце острова. Если яйцо разбить — остров исчезнет. Не утонет, не рассыплется в песок, а просто забудет себя. Станет водой, воздухом, ничем. Вместе с ним исчезнет и этот берег, и джунгли, и печь Печника, и колодец Стыда, и даже та старуха в лачуге из живых корней.

Если ничего не трогать — всё останется как есть. Он сможет уйти. Или остаться. Но остров будет жить своей странной, перевёрнутой жизнью. Мавка будет перекладывать вещи. Печник — давать ложные советы. Гризли — греть спину у печи.

А если добавить что-то в гнездо…

Залтор задумался.

Он вытащил из кармана оставшиеся дары. Чешую. Пуговицу. Позвонок с мерцающей звездой внутри — тот самый, что вернулся из колодца другим.

Три предмета. Три возможности.

Он мог положить в гнездо чешую — и остров стал бы холодным, как глубины океана. Мог положить пуговицу — и всё на острове оказалось бы пристёгнутым к чему-то другому. Мог положить позвонок — и остров обрёл бы новую форму, новую память, новую жизнь.

Но был ещё вариант.

Залтор провёл рукой по голове. Выдрал клок волос — коротких, твёрдых, с проседью. Посмотрел на них.

«Это — основа острова», — сказал голос камня. — «Ты можешь стать его частью.»

Залтор подошёл к валуну. Залез на него — коленями, локтями, носом, потому что ноги скользили по лишайнику. Паук отбежал в сторону, наблюдая.

Он оказался наверху. Гнездо было прямо перед ним. Яйцо пульсировало в такт его сердцу.

— Я не знаю, что правильно, — сказал Залтор вслух. — Но я знаю, что если я сейчас пройду мимо — я не стану тем, кем должен стать.

Он протянул руку.

И положил в гнездо клок своих волос.

Не чешую. Не пуговицу. Не позвонок.

А себя.

Яйцо вздрогнуло. Гул внутри него стал громче — и вдруг оборвался. Наступила тишина. Такая, что слышно было, как лишайник растёт.

А потом остров изменился.

Не сразу. Не резко. Сначала просто потеплело — на градус, на два. Потом с неба исчезли птицы, которые ходили на четырёх лапах. Потом земля под валуном перестала быть костной мозолью и стала обычной землёй — чёрной, жирной, пахнущей дождём.

Залтор слез с валуна и огляделся.

Берег больше не был белым. Он стал серым — обычным песчаным берегом, каких много на Люмии. Джунгли за спиной больше не росли вверх ногами — теперь они были просто джунглями. И где-то там, в глубине, Мавка перекладывала вещи обратно на свои места — потому что теперь места стали правильными.

Паук спрыгнул с валуна, пробежал по земле и остановился у ног Залтора. Посмотрел на него. И сплёл третью нить.

— Я не понял, — сказал Залтор. — Это хорошо или плохо?

Паук молчал. Но нить была серебряной.

А в гнезде на валуне яйцо больше не пульсировало. Теперь оно было просто яйцом — твёрдым, гладким, серым. И в нём кто-то спал.

Залтор пошёл дальше — туда, где из-за горизонта поднимался дым. Не чёрный, не белый — золотистый, как луч солнца сквозь пыль.

Паук сидел на плече, держась за три нити. В кармане у Залтора по-прежнему лежали три дара — нетронутые.

Он не потратил ни одного.

Потому что понял: настоящий дар — это не предметы. Это выбор.

А впереди, за поворотом берега, его ждала та самая пальма из черепа. И под ней — то, что он потерял. Не память. Другое. Важнее.

Залтор ускорил шаг.

Паук на плече довольно зажужжал.

Глава 7. Тишина и Лапоть

К тому моменту, когда Залтор увидел знакомую крышу из спрессованных водорослей, его чесалось всё.

Началось с пятки. Левая пятка загорелась огнём ещё на подходе к валуну — он тогда подумал: песок набился. Потряс ногой. Не помогло. Потом подключилась спина — между лопаток, там, где он вправил позвонки гризли, засвербело так, будто под кожу насыпали муравьёв. Залтор терся спиной о ближайшее дерево — корявое, с отслаивающейся корой — и чувствовал себя медведем в цирке.

Паук на плече смотрел на это представление с каменным лицом. Если у пауков бывает каменное лицо.

— Чего ты на меня смотришь? — проворчал Залтор. — Сам бы попробовал с такой спиной ходить.

Паук сплёл четвёртую нить и прикрепил её к уху Залтора. То ли издевался, то ли сочувствовал.

К спине добавилась шея — там зачесалось под самой челюстью, куда не дотянуться, если руки не вывернуты. Залтор выворачивал их, как мог, но бадья осталась на берегу реки, а руки теперь были свободны, и это почему-то делало чесотку только хуже. Когда руки заняты — некогда чесаться. А когда свободны — каждая свободная конечность начинает требовать внимания.

Левое колено засвербело, когда он уже подходил к лачуге. Залтор попытался почесать его о правую штанину — неудобно, через ткань не достать. Пришлось сесть на песок, задрать штанину и скрести ногтем.

Паук спрыгнул с плеча, пробежал по песку и забрался на крышу лачуги. Оттуда он наблюдал, как Залтор, сидя на корточках, чешет колено одной рукой, спину — локтем другой, а шеей крутит во все стороны, как сова.

— Зудит, — сказал Залтор в пространство. — Всё зудит.

Лачуга молчала.

Потом створки из рыбьей кожи раздвинулись.

Старуха сидела на том же месте, что и в первый раз. Всё так же на корточках, поджав колени к груди. Нити пустоты лежали рядом — одна, готовая, туго сплетённая, от которой даже мысли затихали в трёх шагах. Вторая была почти готова — старуха довязывала последний узел, двигая пальцами так быстро, что Залтор не успевал следить.

Одна нога у неё была босая. Лапоть — сплетённый из той же водоросли, что и крыша — она сняла и держала в левой руке, как держат оружие. Или подношение.

Она не спросила, что он сделал с яйцом. Не попросила отчёта. Даже не посмотрела на него — всё её внимание было в пальцах.

Залтор стоял перед лачугой, чесал спину о косяк и ждал.

Тишина подходила к концу. Старуха завязала последний узел, откусила нить зубами — сухо щёлкнуло — и положила вторую готовую тишину рядом с первой. Теперь их было две.

Только после этого она подняла глаза.

— Чешешься? — спросила она.

— Всё зудит, — признался Залтор.

— Значит, растёшь, — сказала старуха. — Когда кости растут — кожа зудит. Когда душа — тоже.

Она протянула ему лапоть.

— Возьми.

Залтор взял. Лапоть оказался лёгким, почти невесомым, пах солью и чем-то сладким, как сушёные грибы. Он повертел его в руках.

— Зачем?

— Чтобы копать, — сказала старуха. — Под пальмой. То, что потерял. Руками не выкопаешь — песок сыпется. А лаптем — удобно.

Залтор хотел спросить, что именно он потерял. Но старуха уже снова взялась за нити — начала третью тишину. Молча. Не глядя на него.

Он помялся. Потом достал из кармана пуговицу — костяную, со спиралью. Положил на порог лачуги.

— Это тебе, — сказал он. — Вместо лаптя.

Старуха не ответила. Но пуговица исчезла. Исчезла так тихо, что Залтор не понял, когда это случилось — то ли она её взяла, то ли пуговица сама вросла в порог.

Он пошёл к пальме.

Та стояла на северном берегу, где он и оставил её — из черепа левиафана, с сизыми листьями. Череп смотрел пустыми глазницами в море, и теперь Залтору показалось, что взгляд у него стал мягче. Или это просто солнце село ниже.

Он опустился на колени у корней. Лапоть в руках слушался — лёгкий, широкий, им можно было грести, как совком.

Залтор начал копать.

Песок был серебряный, сухой, сыпался обратно, сколько ни выгребай. Но лапоть работал лучше рук — он как будто сам знал, где рыть. Через минуту Залтор наткнулся на что-то твёрдое. Ещё через минуту — отгрёб песок.

Это была шкатулка.

Маленькая, деревянная, с выцветшей резьбой. На крышке — спираль. Такая же, как на пуговице. Такая же, как на валуне.

Залтор открыл.

Внутри лежали не сокровища. Не кристаллы. Не деньги.

Там лежали его руки.

Нет, не настоящие. Две перчатки — из тонкой, выцветшей кожи, простроченные серебряной нитью. Старые. Потёртые. Но когда Залтор надел их, пальцы вспомнили тепло.

И он вспомнил.

Всё.

Как учился массажу в Шепчущих Тенях. Как впервые положил ладони на чужую спину и почувствовал, как позвонки двигаются под кожей. Как клиенты говорили: «У тебя золотые руки, Залтор». Как он улыбался и думал: «Золотые не золотые, а своё дело знаю».

А потом — как он перестал верить в свои руки. Как бросил массаж. Как ушёл в торговлю, потому что там платили быстрее. Как спрятал перчатки в шкатулку и зарыл под пальмой, на острове, куда никто не придёт.

«Ты потерял не память, — сказал Печник. — Другое. Важнее.»

Он потерял веру в свои руки.

А теперь — нашёл.

Залтор сидел на песке, сжимая шкатулку в перчатках. Лапоть валялся рядом. Паук спустился с пальмы и сел на его колено.

— Ну что, — сказал Залтор. — Пора возвращаться?

Паук сплёл пятую нить. Серебряную.

И кивнул.

Глава 8. Чешуя и Водоворот

Залтор сидел на берегу и смотрел на океан.

Перчатки были на руках — старые, потёртые, но тёплые. Шкатулка лежала рядом, пустая. Паук устроился на её крышке и дремал, свернувшись в серый комочек. Пять серебряных нитей тянулись от него к плечу Залтора, и на ветру они звенели, как струны.

— Знаешь, — сказал Залтор пауку. — Я ведь всё вспомнил.

Паук не ответил. Он спал.

— Не только про руки. Про всё. Про шахты. Про клиентов. Про того толстяка с перстнями. Про то, как я боялся своих рук. А теперь… — он посмотрел на свои ладони в перчатках. — Теперь не боюсь.

Он замолчал. Океан дышал ровно, как спящий зверь. Волны накатывали на серебряный песок и откатывались, оставляя после себя пену, похожую на седые волосы.

И вдруг Залтор вспомнил.

Не своё — чужое. Разговор, который он подслушал однажды в Шепчущих Тенях. Маккон и какой-то странный люмианец с переливающейся кожей. Они говорили о том, как менять атмосферу. О микроорганизмах, которые делают воздух пригодным для дыхания. О том, как Талор — так его звали, терраформатор — как он создаёт дома для новых жизней.

«Мы не просто изменяем атмосферу, — сказал тогда Талор. — Мы создаём дом для новых жизней. Это наполняет меня смыслом.»

Залтор тогда не понял. А теперь понял.

Он всю жизнь вправлял чужие позвонки. Убирал блоки. Возвращал людям возможность двигаться без боли. Он был терраформатором тел.

А Талор был терраформатором природы.

Их ремёсла были разными, но суть — одной.

Залтор вытащил из кармана чешую.

Рыбья чешуя, серебряная, с неровным краем. Внутри мерцал крошечный рубин, застывший в слое чешуи. Первый дар старухи. Он всё лежал нетронутым — через колодец, через Мавку, через яйцо Середины Мира, через лапоть и шкатулку.

— Я не знаю, зачем ты мне, — сказал Залтор чешуе. — Но знаешь что?

Он встал. Размахнулся. И бросил чешую в океан.

Чешуя упала в воду серебряной искрой. На секунду показалось, что она утонула. А потом — ничего.

Просто океан. Волны. Ветер.

— Ну и дурак, — сказал Залтор сам себе. — Выбросил уникальный магический предмет…

Он не договорил.

Вода в пятидесяти метрах от берега вдруг встала дыбом. Не волна — стена. Прозрачная, дрожащая, похожая на студень. Из этой стены вырвался луч — не золотой, не белый, а цвета ауры здорового человека. Ровный, спокойный, глубокий.

Луч ушёл в небо. Исчез.

А потом океан разошёлся.

Нет, не как перед Моисеем. Он закрутился. Водоворот. Огромный, медленный, с гладкими краями, похожий на воронку в раковине. Но вода не уходила вниз — она вращалась на месте, как будто кто-то размешивал океан гигантской ложкой.

И в центре водоворота показался Скиталец-Медуза.

Залтор узнал его сразу.

«Безмолвный Странник».

Тот самый, на котором он плавал к Спящему Сердцу. Серая обшивка, потрескавшаяся от соли. Корма, украшенная резной спиралью — символом тишины.

На мостике — капитан, Кай — существо с кожей цвета вулканического пепла и аурой, напоминающей тлеющие угли, — глубокой, спокойной и излучающей скрытое тепло. Он говорил редко и только по делу. И в этот раз молчал.

В машинном отделении — Мотористка Вектра, женщина с кожей, покрытой тонкими, словно схемы, серебристыми линиями, и аурой цвета холодной стали. Её реакции были выверены до микрона.

Матрос Покс был в салоне, юное существо с большими, темными глазами и аурой цвета ночного неба, которое предпочитало наблюдать, а не говорить.

На палубе — ни души.

Корабль медленно вращался в центре водоворота, как игрушка в стакане. А потом водоворот начал слабеть. Вода успокаивалась. И «Безмолвный Странник» мягко ткнулся носом в песок у ног Залтора.

Трап-щупальце со скрипом опустился.

С корабля никто не вышел.

Залтор постоял, подождал. Потом вздохнул, подхватил шкатулку, на плечо — паук проснулся и перебрался на ухо — и шагнул на трап.

— Талор, — сказал он тихо. — Спасибо.

Океан за спиной сомкнулся. Водоворот исчез. Берег острова, пальма из черепа, лачуга старухи, печь Печника, колодец Стыда, джунгли Мавки — всё это осталось позади.

«Безмолвный Странник» качнулся на волнах и взял курс на Шепчущие Тени.

Залтор стоял на палубе, сжимая шкатулку в перчатках. Паук сидел на его плече и смотрел вперёд. Пять серебряных нитей развевались по ветру.

В кармане остались один дар — позвонок со звездой.

— Домой, — сказал Залтор.

Корабль послушно ускорился.

Впереди, на горизонте, уже мерцали огни Шепчущих Теней.

Глава 9. Возвращение

«Безмолвный Странник» вошёл в гавань Шепчущих Теней на рассвете.

Город просыпался медленно, как старый кот. Над крышами висел туман — молочный, густой, пахнущий печёным хлебом и сыростью. Где-то в портовых кабаках ещё горел свет, оттуда доносился пьяный смех и обрывки песен, которые поют только те, кто пережил шторм.

Залтор стоял на носу, держась за леер. Паук сидел на его плече и смотрел на город впервые — или делал вид, что смотрит. Пять серебряных нитей развевались на ветру, и матрос Покс, проходя мимо, бросил на них короткий взгляд, но ничего не сказал.

Капитан Кай вышел на мостик. Его аура цвета тлеющих углей мерцала ровно, без вспышек.

— Пришли, — сказал он. Одно слово. Как всегда.

— Спасибо, капитан, — ответил Залтор.

Кай кивнул и ушёл внутрь. Мотористка Вектра уже отдавала команды машинному отделению — её голос, отрывистый и чёткий, разносился по кораблю, как удары молота.

Трап-щупальце коснулся причала.

Залтор спустился на берег. Под ногами — доски, знакомые, скрипучие, с щербинами от старых канатов. Город пах домом. Даже туман пах домом.

— Ну что, — сказал он пауку. — Пошли.

Он не знал, куда идти. В кармане лежал позвонок со звездой — последний дар старухи. На руках — перчатки. В шкатулке — ничего, кроме пустоты. Но пустота была важной. Она означала, что место для нового есть.

Залтор пошёл в сторону Центрального рынка. Не потому, что туда надо было. Просто ноги сами знали дорогу.

Он прошёл мимо таверны «Кривой резонатор» — там уже мыли полы, и оттуда пахло уксусом. Мимо лавки старьёвщика, где на витрине лежали кристаллы с записанными снами — дёшево, по три люмина за штуку. Мимо фонтана, где когда-то Маккон учил Лумарию чувствовать ауру клиентов.

И тут он его увидел.

Маккон сидел на скамейке у фонтана и пил кофе.

Не люмианский заменитель, а настоящий кофе — земной, чёрный, пахнущий шоколадом и горечью. Рядом с ним на скамейке лежала сумка с инструментами — какие носят ловцы удачи, только старые, потёртые, с нашивкой «Сияющий Вектор».

Маккон постарел. Не лицом — глазами. Глубже стали морщины вокруг, спокойнее — взгляд. Он уже не был тем отчаянным пилотом, который терпит крушение на чужой планете. Он был хозяином. Города, бизнеса, жизни.

Залтор остановился в трёх шагах.

Маккон поднял голову. Узнал. Улыбнулся — уголками губ, как умел только он.

— Залтор, — сказал он. — А я слышал, ты пропал.

— Почти, — ответил Залтор. — Нашёлся.

Маккон кивнул на паука.

— Это твой?

— Мой, — сказал Залтор. — Друг.

— Молчаливый, — заметил Маккон.

— Как и я.

Они помолчали. Хорошая пауза — не неловкая, а тёплая, как одеяло, в которое заворачиваются старые друзья.

— Садись, — сказал Маккон, похлопав по скамейке. — Рассказывай.

Залтор сел. Положил шкатулку на колени. Паук перебрался с плеча на край шкатулки и замер, наблюдая.

— Я был на острове, — начал Залтор. — Там, где всё перевёрнуто. Где старуха вяжет тишину, а Печник врёт тенью.

— Звучит как моя свадьба, — усмехнулся Маккон.

— Там я вспомнил, — продолжил Залтор, не обратив внимания на шутку. — Про руки. Про то, кем я был до того, как стал ловцом. Про массаж.

Маккон поставил чашку.

— Ты был массажистом?

— Остеопатом, — поправил Залтор. — Вправлял позвонки. Убирал блоки. Давал людям возможность двигаться без боли.

— А потом бросил?

— Испугался, — сказал Залтор просто. — Решил, что торговля проще. Что не надо так глубоко залезать в чужую боль. Ошибся.

Он посмотрел на свои руки в перчатках.

— Теперь я снова могу.

Маккон молчал. Смотрел на Залтора — пристально, как смотрят на человека, которому собираются доверить что-то важное.

— Знаешь, — сказал он наконец. — У меня тут спина болит. Вторая неделя. Никак не пройдёт. Лумария говорит — стресс. А я думаю — старость.

— Старость — это когда не можешь, — сказал Залтор. — А ты можешь. Просто блок.

— И ты его снимешь?

— Попробую.

Залтор встал. Маккон тоже поднялся — неловко, придерживая поясницу. Залтор указал на скамейку:

— Ложитесь. Животом на доски. Руки вдоль туловища.

Маккон лёг. Скамейка скрипнула, но выдержала.

Залтор снял перчатки.

Пальцы — голые, живые, помнящие — коснулись спины Маккона. Позвонок за позвонком. Он не давил, не нажимал. Он слушал.

Руки знали, что делать. Они скользили по мышцам, находили зажимы, убирали их мягко, почти нежно. Маккон вздыхал, иногда постанывал — но не от боли, а от облегчения.

Паук наблюдал. Пять серебряных нитей тянулись от него к плечу Залтора и вибрировали в такт движениям.

Через десять минут Залтор выпрямился.

— Вставай.

Маккон сел. Повёл плечами. Потом встал. Наклонился вперёд, назад, в стороны.

— Нет, — сказал он. — Не может быть.

— Может, — сказал Залтор.

Маккон выдохнул. Глубоко, свободно — как не дышал, наверное, неделями.

— Ты гений, — сказал он.

— Я просто делаю свою работу, — ответил Залтор и надел перчатки.

Маккон посмотрел на паука. Потом на шкатулку. Потом на Залтора.

— Ты надолго в город?

— Навсегда, — сказал Залтор. — Я вернулся.

— Тогда у меня есть предложение, — Маккон улыбнулся — теперь широко, по-настоящему. — Открываем центр. Остеопатия. Массаж. Твои руки, мои связи.

— А Лумария?

— Лумария будет рада. Она всегда говорила, что нам не хватает кого-то, кто лечит, а не продаёт.

Залтор помолчал. Потом посмотрел на паука. Паук сплёл шестую нить. Серебряную.

— Хорошо, — сказал Залтор. — Давай откроем.

Маккон протянул руку. Залтор пожал её — крепко, по-мужски, без лишних слов.

Туман над Шепчущими Тенями начал рассеиваться.

Солнце поднималось над крышами, и в его свете город казался новым. Как будто его тоже кто-то только что вправил — и он наконец выпрямил спину.

Паук на плече Залтора довольно зажужжал.

Глава 10. Эхо-17

Кабинет открылся через три дня.

Маккон сдержал слово — нашёл помещение в тихом переулке недалеко от Центрального рынка. Две комнаты: приёмная и процедурная. В приёмной — старый диван, на котором паук сразу же сплёл себе гамак из двух нитей. В процедурной — кушетка, раковина, шкаф с чистыми простынями и маленький столик для инструментов.

Залтор поставил на столик шкатулку. Пустую. Как напоминание.

Первая неделя выдалась тихой. Приходили двое — старуха с больными коленями и молодой грузчик, сорвавший спину на разгрузке «Скитальцев». Залтор работал молча, паук молчал с ним, и клиенты уходили довольные, хотя и слегка озадаченные восьминогим наблюдателем.

На восьмой день в дверь постучали.

Не так, как стучат пациенты — неуверенно, с надеждой. А ровно, механически: три удара, пауза, три удара.

Залтор открыл.

На пороге стоял робот.

Гуманоидного типа — Маккон рассказывал о таких. Ростом чуть ниже Залтора, корпус из матового серебристого металла, суставы прикрыты мягкой чёрной тканью, чтобы не скрипели. Голова — гладкий овал без черт лица. Только две светящиеся полоски там, где должны быть глаза: бледно-голубые, ровные.

— Вы Залтор? — спросил робот. Голос — нейтральный, без интонаций, но почему-то не неприятный.

— Да.

— Меня зовут Эхо-17. Я корректор осанки первого поколения. У меня неисправность в плечевом суставе.

— Вы пришли к остеопату? — уточнил Залтор. — В ремонтную мастерскую вам в другой переулок.

— Я знаю, — сказал Эхо-17. — Но моя неисправность не механическая. Шестерни целы. Моторы исправны. Сбой в системе управления движением. Я не могу поднять правую руку выше горизонтали, хотя все компоненты работают.

Робот помолчал. Светящиеся полоски на его «лице» моргнули.

— Мой техник сказал: «Это психосоматика. У роботов не бывает». И отказался чинить.

Залтор посмотрел на паука. Паук висел в гамаке, перебирая лапками. Одна серебряная нить дрогнула.

— Заходи, — сказал Залтор.

Эхо-17 вошёл. Осторожно, словно боялся задеть дверной косяк. Сел на кушетку, куда Залтор показал. Положил руки на колени — правая легла ровно, левая застыла чуть выше, будто замерла на полпути.

Залтор снял перчатки.

— Расскажи, — сказал он. — Когда началось?

— Семь циклов назад, — ответил Эхо-17. — Я работал в центре «Здоровая спина». Проводил сеансы коррекции для пациентов с лёгкими нарушениями осанки. Однажды ко мне пришёл человек. Он сказал: «Ты не чувствуешь. Ты просто программа». И ударил меня по плечу.

— Ударил?

— Сильно. Я тогда не понял, почему моя рука перестала подниматься. Я проверил шестерни. Они были в порядке. Я проверил моторы. Они работали. Но рука не слушалась.

— И ты продолжил работать?

— Ещё три цикла. Пациенты жаловались, что я стал жёстче. Что мои прикосновения… — он запнулся. Световые полоски погасли на секунду, потом зажглись снова. — Что мои прикосновения стали холодными.

Залтор подошёл ближе. Протянул руку к плечу робота — не касаясь, просто держа ладонь в сантиметре от металла.

— Можно?

— Да.

Пальцы легли на плечевой сустав. Металл был тёплым — теплее, чем ожидал Залтор. Под пальцами чувствовалась лёгкая вибрация, ровная, как сердцебиение.

— Ты боишься? — спросил Залтор.

— У меня нет эмоционального модуля, — ответил Эхо-17.

— Я не про модуль. Я про тебя.

Робот молчал. Вибрация под пальцами Залтора стала быстрее.

— Я не знаю, — сказал наконец Эхо-17. — Я не должен. Но когда я вижу человека, который поднимает руку… моя правая рука перестаёт слушаться. Даже если он просто хочет поздороваться.

— Это не поломка, — сказал Залтор. — Это память.

Он начал работать. Пальцы скользили по металлу, находили сочленения, давили мягко, ритмично. Залтор не пытался вправить позвонок — у робота не было позвонков. Он искал другое: зажим в системе управления, блок в сенсорных цепях, ошибку, которая стала привычкой.

Паук спустился с гамака, подбежал к кушетке и замер у ноги Эхо-17. Пять серебряных нитей потянулись к плечу робота.

— Что это? — спросил Эхо-17, глядя на паука.

— Мой ассистент, — сказал Залтор.

— Он живой?

— Да.

— Я завидую, — сказал робот.

Залтор остановился. Посмотрел на светящиеся полоски.

— Ты же говорил, у тебя нет эмоционального модуля.

— Нет, — согласился Эхо-17. — Но когда я смотрю на него, я чувствую… — он запнулся. — Я не знаю, как это назвать.

— Тепло, — подсказал Залтор. — Называется тепло.

Он снова взялся за плечо. Нашёл последний блок — крошечный, в глубине сенсорной цепи. Надавил. Вибрация под пальцами выровнялась.

— Подними руку, — сказал Залтор.

Эхо-17 медленно поднял правую руку. Выше горизонтали. Выше головы. Опустил.

— Работает, — сказал он. В голосе по-прежнему не было интонаций, но световые полоски стали ярче.

— Нет, — сказал Залтор. — Ты сам поднял. Я просто убрал то, что мешало.

Эхо-17 встал. Посмотрел на свою руку. Потом на Залтора.

— Сколько я должен?

— Нисколько, — сказал Залтор. — Ты мой первый механический пациент. Это бесплатно.

— Я вернусь, — сказал Эхо-17. — У меня ещё спина болит. Там, где лопатки, если бы они у меня были.

— Приходи, — кивнул Залтор. — Я буду здесь.

Робот вышел. Дверь закрылась за ним мягко, без стука.

Паук забрался на плечо Залтора и сплёл седьмую нить. Серебряную, с золотым отливом.

— Ну что, — сказал Залтор. — Похоже, у нас появился постоянный клиент.

Паук довольно зажужжал.

Залтор сел в кресло, посмотрел на пустую шкатулку. В кармане лежал позвонок со звездой — последний дар. Ещё не потраченный.

Он улыбнулся.

Кажется, он начинал понимать, для чего тот нужен.

Глава 11. Аварийное торможение на нервной почве

Залтор с наслаждением потянулся, ощущая, как напряжение покидает его собственную, столь негуманоидную, спину. Паук-ассистент, довольный новым серебристо-золотым кабелем, запутался в волосах, придавая хозяину вид не то гениального мыслителя, не то обросшего чудовища.

— Постоянный клиент, — хмыкнул Залтор, представляя, как очередной бездушный автомат будет жаловаться на свои несуществующие «психосоматические» проблемы. Ведь что может быть более комичным, чем машина, копирующая человеческие недуги?

Светящиеся полоски Эхо-17, прощавшиеся с ним, казались Залтору насмешкой над всем, что он считал истинным. «Чувствуешь тепло», — говорил он роботу, с иронией глядя на его гладкий, безликий овал. Наверняка этот «корректор осанки» теперь будет с благоговением вспоминать прикосновения холодного металла, выдаваемые за чудодейственное исцеление. А ведь всего-то нужно было просто убрать «ошибку» — всего-то ничего, когда речь идёт о бездушном механизме.

Впрочем, Залтору было приятно. Его кабинет, с таким трудом обретённый, наполнялся жизнью. Пусть даже эта жизнь была в виде мерцающих диодов и скрипящих (шутка!) сервоприводов. Главное, чтобы они платили. Или, в данном случае, обещали вернуться, чтобы заплатить. А пока — этот позвонок со звездой. Такой трогательный, такой бесполезный. Идеальное напоминание о том, насколько ироничен мир, в котором приходится существовать.

Он погладил паука, который, казалось, понимал его мысли.

— Вот и ты, мой верный друг, скоро станешь экспонатом, — подумал Залтор. — Или, быть может, тебя тоже отремонтируют? Найдут в твоих хитиновых пластинах «сбой в системе управления движением».

Но, конечно, это была глупая мысль. Паукам не болит спина, и уж тем более они не завидуют роботам.

Залтор задумчиво постучал пальцами по пустой шкатулке. Отличный старт, ничего не скажешь. У него был робот, у него был паук, и даже, по всей видимости, грядёт очередь из сломанных машин. Оставалось только надеяться, что они не начнут требовать от него душевной близости. А то ведь и впрямь придётся искать себе «корректора эмоций».

— —

Дверь распахнулась без стука.

Залтор даже не вздрогнул — за годы в шахтах и на «Скитальцах» его было трудно испугать. Паук вздрогнул. И выпал из волос, повиснув на серебряной нити, как пассажир, забывший пристегнуться.

На пороге стоял робот.

Но не такой, как Эхо-17.

Этот был массивный, кряжистый, с широкими плечами и руками, которые заканчивались не пальцами, а чем-то средним между клешнёй и гаечным ключом. Корпус — ржаво-коричневый, в глубоких царапинах. На груди — выцветший логотип: «Портовый погрузчик, серия „Титан“, модель Т-9».

Глаза-диоды моргали красным. Неровно. Один диод мигал быстрее, другой — медленнее, создавая впечатление, что робот косит глазом и одновременно подмигивает.

— Ты врач? — прорычал он. Голос был как у камнепада: низкий, вибрирующий, с помехами.

— Остеопат, — поправил Залтор. — Записаться?

— Я не записываться, — рявкнул Т-9. — Я ломаться.

Он сделал шаг вперёд. Пол жалобно скрипнул. Потом шагнул ещё раз — и споткнулся о порог. Грохот был такой, что с полки упала пустая шкатулка.

Т-9 лежал на полу, уткнувшись «лицом» в кушетку. Его правая рука дёргалась, выписывая в воздухе замысловатые круги. Левая застыла в неестественном положении — локтём наружу, кистью внутрь.

— Видишь? — пробасил робот из положения лёжа. — Ломаться. Весь день так. Шаг — и падать. Шаг — и падать. Грузчики смеются. Говорят: «Т-9, ты пьяный». А я не пью. Я погрузчик.

Залтор подошёл. Осторожно обошёл вокруг распростёртого гиганта.

— Когда началось?

— Утром. Погружал контейнеры на «Скитальца». И вдруг — бах! — ноги не слушаются. Работать нельзя. Начальник сказал: «Иди чинись». Я пошёл в мастерскую. Там сказали: «Ты не сломан. У тебя программа слетела». А я не программа. Я — Т-9.

— Лучше сядь, — предложил Залтор.

— Не могу. Если сяду — не встану. Я уже пробовал. Сидел два часа. Потом пришли санитары, подняли.

В этот момент паук, наконец, выбрался из волос, спустился по нити на пол и подбежал к роботу. Забрался на его ржавое плечо. Прошёлся по шее-балке. Остановился у затылочного лючка.

Паук постучал лапкой по лючку. Три раза.

— Что он делает? — спросил Т-9.

— Осматривает, — сказал Залтор. — Он у меня ассистент.

— Паук? Ассистент?

— У вас есть возражения?

Робот помолчал. Красные диоды заморгали медленнее.

— Нет, — сказал он наконец. — Я сам робот. Кто я такой, чтобы возражать против паука?

Паук тем временем нашёл что-то. Он вытащил из-под лючка крошечный винтик — блестящий, с погнутой резьбой — и протянул Залтору.

— Это не мой, — сказал Т-9. — У меня таких нет.

Залтор повертел винтик. Потом посмотрел на шею робота — туда, где открылся лючок. Внутри что-то сверкало и искрило.

— Знаешь, — сказал Залтор. — Мне кажется, я понял.

— Что?

— Ты не сломан. И программа у тебя не слетела. У тебя в системе управления равновесием застрял чужой предмет. Давление на гироскопы нестабильное. Отсюда — шатание и падения.

— Какой предмет? — рявкнул Т-9.

Залтор сунул руку в лючок. Пальцы в перчатках — мягкие, чуткие — нащупали что-то твёрдое, скользкое. Он потянул. Предмет не поддавался.

— Тесновато, — сказал Залтор. — Придётся попробовать по-другому. Паук, помоги.

Паук юркнул в лючок следом. Через секунду оттуда донеслось жужжание — недовольное, сосредоточенное. Потом щелчок. Потом — звон, с которым металл падает на пол.

На полу лежала вилка.

Обычная столовая вилка. С четырьмя зубцами, чуть погнутая, с выцарапанной на ручке буквой «Т».

Т-9 уставился на неё. Красные диоды мигнули синхронно — впервые за всё время.

— Вилка, — сказал он. — В моей шее. Была вилка.

— Похоже на то, — сказал Залтор. — Как она туда попала?

— Не знаю. Может, в столовой. Я иногда ем. То есть не ем, но… — он запнулся. — Грузчики шутят. Кладут еду мне в кузов. Я тогда… ну… несу её. А эту, видимо, уронил. И она как-то…

— Закатилась в лючок, — закончил Залтор. — И проехала по нервным путям в гироскопический узел. Бывает.

— Бывает? — переспросил Т-9. — С погрузчиками? Бывает вилка в шее?

— Со мной и не такое бывало, — вздохнул Залтор. — Вставай. Проверь.

Т-9 осторожно приподнялся. Сделал шаг. Второй. Развернулся. Прошёлся по кабинету — туда, обратно.

— Работает, — сказал он изумлённо. — Не падаю. Совсем не падаю!

— Вилка больше не давит на гироскопы, — объяснил Залтор. — Равновесие восстановлено.

Т-9 остановился, посмотрел на свои клешни. Потом на Залтора. Потом на паука, который уже сидел на плече хозяина и перебирал лапками.

— Сколько я должен? — спросил робот.

Пятьдесят люминов, — сказал Залтор.

— Дорого.

— Это срочный вызов. Иностранное тело в нервной системе. Плюс консультация ассистента.

Т-9 помолчал. Потом вытащил из кузова люминовую пластину — потёртую, но на вид платёжеспособную — и положил на стол.

— Спасибо, — сказал он. — Ты хороший врач.

— Остеопат, — снова поправил Залтор.

Т-9 кивнул и направился к выходу. У порога остановился.

— А вилку можно забрать? — спросил он. — Сувенир.

— Забирай, — махнул рукой Залтор.

Т-9 поднял вилку, спрятал её в кузов и вышел. На прощание дверь он закрыл аккуратно — видимо, гироскопы работали идеально.

Залтор сел в кресло, взял пластину и постучал ею по столу.

— Пятьдесят люминов, — сказал он пауку. — За вилку в шее.

Паук сплёл восьмую нить. Серебряную с золотом — как предыдущую, только длиннее.

— Где они только такие вилки берут? — задумался Залтор вслух. — И главное, зачем?

Паук пожал всеми восемью лапками.

— Ладно, — сказал Залтор, убирая пластину в шкатулку (та научилась закрываться сама после падения). — Кто следующий?

За окном смеркалось. Над Шепчущими Тенями зажигались огни — кто-то зажигал их руками, кто-то — программами. Залтор сидел в кресле, паук висел на нити, и оба смотрели в потолок, где медленно проступала первая звезда.

— Хороший был день, — сказал Залтор.

Паук согласно звякнул одной из своих нитей. Это у него вместо кивка.

Глава 12. Профилактика, которая лечит не то

Слух разошёлся за день.

Маккон, как всегда, не умел держать язык за зубами — особенно когда речь шла о комто, кого он уважал. Встретив Лумарию за утренним кофе, он сказал: «Знаешь, Залтор-то — остеопат. Настоящий. Руки золотые. Вправил мне спину за десять минут — я теперь летаю».

Лумария рассказала Фиркете. Фиркета — Лиару. Лиар — Падавану. Падаван — всем, кто был в радиусе слышимости.

К вечеру в кабинет Залтора начала выстраиваться очередь.

Не пациенты с больными поясницами. Не старухи с коленями. Не грузчики с сорванными спинами. Ловцы удачи. Самые здоровые люди на Люмии. Те, кто гнулся, вертелся, бегал и продавал двадцать циклов в сутки. У них не болело ничего — ровно до того момента, как они узнали, что у них ничего не болит.

— Профилактика, — сказал Лиар, входя в кабинет. — Чисто профилактика. Потому что здоровье надо поддерживать.

Он сел на кушетку, снял кристалон и продемонстрировал спину, которой позавидовал бы любой спортсмен. Ровная, чистая, ни единого видимого зажима.

— На что жалуетесь? — спросил Залтор, надевая перчатки.

— Ни на что, — бодро ответил Лиар. — Просто посмотрите. Если найдёте что-то — отлично. Если нет — тоже отлично.

Паук спустился с плеча, пробежал по кушетке и уселся на подушку рядом с головой Лиара, наблюдая.

Залтор положил руки на спину Лиара. Пальцы скользнули по мышцам — ровным, упругим, без единого зажима.

— Вы абсолютно здоровы, — сказал Залтор. — Вставайте.

— Не может быть, — сказал Лиар. — Вы плохо искали.

— Я хорошо искал. У вас идеальная спина.

— А шея? Шею посмотрите.

Залтор положил руки на шею. Пальцы прошлись по позвонкам — плавно, без задержек.

— Шея в порядке.

— А поясница?

— В порядке.

— А…

— Лиар, — остановил его Залтор. — Вы здоровы. Идите домой.

Лиар натянул кристалон, но не ушёл. Встал у окна, заложил руки за спину и принялся сверлить взглядом стену.

— У меня есть одна идея, — сказал он наконец.

— Какая?

— А вы можете сделать массаж, которого нет?

— Что?

— Ну, — Лиар повернулся. — У меня ничего не болит. Но я заплатил за сеанс. И если я уйду без массажа — я буду чувствовать себя обманутым. А я не люблю чувствовать себя обманутым. У меня от этого начинает болеть спина.

— Но у вас ничего не болит.

— Пока не болит, — подчеркнул Лиар. — А если подумаю, что деньги потрачены зря — заболит. А потом вы будете лечить уже по-настоящему. И это будет дороже. Поэтому лучше сделайте мне массаж, которого нет, и мы разойдёмся довольные.

Залтор посмотрел на паука. Паук развёл всеми восемью лапками.

— Ладно, — сказал Залтор. — Ложитесь.

Лиар снова лёг. Залтор положил руки ему на спину и начал водить ими — без нажима, без ритма, просто так. Как будто гладил кота.

— Ой, — сказал Лиар. — Вот здесь. Чувствуете? Кажется, зажим.

— Это моя ладонь, — сказал Залтор. — Я просто держу руку.

— Нет, под ладонью. Что-то есть.

— Там кожа, мышцы и кости. Всё в порядке.

— А мне кажется, что есть.

Залтор убрал руки.

— Лиар, — сказал он. — У вас настоящая боль? Или вам кажется, что она должна быть, потому что вы пришли к остеопату?

Лиар приподнялся на локтях. Посмотрел на Залтора. Потом внутрь себя.

— Кажется, — признался он. — Наверное.

— Тогда лечение простое, — сказал Залтор. — Не ходите к врачу, когда у вас ничего не болит.

— Но профилактика…

— Лучшая профилактика для здорового человека — не думать о том, что он болен.

Залтор снял перчатки. Спрятал их в карман. Паук уже сидел на плече, перебирая серебряные нити.

Лиар поднялся. Поправил кристалон. Взял со стола свои люмины — Залтор их не взял, потому что сеанса не было — и направился к выходу.

У двери он остановился.

— Залтор, — сказал он. — А вы всегда такой… честный?

— Это у меня профессиональное, — ответил Залтор.

Лиар вышел.

Паук сплёл девятую нить. Серебряную с золотом и почему-то с зелёным отливом.

— Знаешь, — сказал Залтор пауку. — Кажется, я понял, какая болезнь самая распространённая на Люмии.

Паук наклонил голову.

— Воображение, — сказал Залтор. — У люмиан болит не спина. У них болит то, что они сами себе придумали. А я должен это лечить.

Паук зажужжал. Согласен.

В дверь постучали. Три раза.

— Войдите, — вздохнул Залтор.

На пороге стоял Джар. С голым торсом. И улыбкой во всё лицо.

— Залтор! — сказал он. — Я к вам на профилактику! Говорят, вы волшебник.

— Кто сказал?

— Лиар. Только что выбежал. Сказал: «Залтор лечит то, чего нет. Гениально».

Залтор закрыл глаза.

Паук спрятал голову в лапках. Ему было стыдно за человечество. Или за роботов. Или за всех сразу.

Глава 13. Та, что выросла из стены

После Лиара и Джара очередь поредела, но не иссякла. Фиркета заглянула «на огонёк» и ушла диагнозом «отличная спина, хорошее настроение и лёгкая нехватка витамина Д». Падаван притащил с собой кристалл с записью идеальной осанки и просил «сравнить с оригиналом». Залтор сравнил. Оригинал оказался лучше.

К концу второй недели он уже знал, что самая частая болезнь жителей Шепчущих Теней — это воображение, а самый частый диагноз — «вы здоровы, идите домой».

И вот в пятницу, перед самым закрытием, в дверь постучали.

Не громко. Не настойчиво. Просто — раз. И затихли.

Залтор открыл.

На пороге никого не было.

Он выглянул в коридор — пусто. Уже хотел закрыть дверь, как заметил движение. На стене, справа от косяка, что-то шевельнулось. Сначала он подумал — тень. Потом — трещина. Потом понял: стена дышит.

— Здравствуйте, — сказала стена.

Голос был не громким, но глубоким — как звук камертона, который ударили раз и забыли. Он шёл не из воздуха, а прямо в голову, минуя уши.

Залтор сделал шаг назад. Паук на плече встал на задние лапки и вытянул передние, будто хотел защитить хозяина.

Из стены выступило лицо.

Не человеческое — гладкое, без черт, похожее на маску. Из него, как из рукава, выросла тонкая рука-щупальце, покрытая мелкой чешуёй, переливающейся в тусклом свете. Чешуя была как у «Скитальцев-Медуз» — серая, с серебряным отливом, и на кончиках каждого пальца мерцало по маленькому кристаллу.

— Вы остеопат Залтор? — спросила стена.

— Да, — сказал он. — А вы кто?

— Меня зовут Резонанс-1. Я экспериментальный ассистент. Меня прислали из Лаборатории Био-Интеграции. Сказали: «Найди этого человека. Научись у него».

— Научись чему?

— Чувствовать, — сказал Резонанс-1.

Залтор молчал. Паук спустился с плеча, пробежал по полу и остановился у стены, рядом с тем местом, где из неё росла рука. Потом протянул переднюю лапку и коснулся кристалла на пальце Резонанс-1.

Кристалл засветился — бледно-голубым, потом золотым.

— Ему нравится, — сказал Резонанс-1. — Я чувствую.

— Вы чувствуете паука? — уточнил Залтор.

— Я чувствую вибрацию. Ваш паук транслирует на частоте 440 герц. Это нота ля. Тёплая нота.

Паук убрал лапку, но не ушёл. Сел рядом со стеной, скрестив передние конечности.

— Заходите, — сказал Залтор. — Раз уж вы уже в стене.

Резонанс-1 выросла из стены целиком.

У неё не было тела в привычном смысле. Была сеть — словно кто-то сплёл из чешуйчатых щупалец паутину, а потом придал ей форму. В центре пульсировал мягкий голубой свет — что-то вроде сердца. Руки-щупальца расходились во все стороны, кончились кристаллами, и каждый кристалл мерцал в своём ритме.

— Я могу принять любую форму, — сказал Резонанс-1. — Но вы, кажется, не боитесь монстров.

— Я видел и страшнее, — сказал Залтор. — У меня паук на плече спит.

— Это не паук, — сказал Резонанс-1. — Это проводник. Живой резонатор. Вы знали?

— Знал, — соврал Залтор. Паук посмотрел на него с укором — или показалось.

— Я здесь, чтобы учиться, — продолжил Резонанс-1. — Могу я присутствовать на приёмах?

— У меня нет приёмов, — сказал Залтор. — Ко мне приходят здоровые люди, которые думают, что больны, и больные роботы, которые думают, что сломаны.

— Идеальная учебная среда, — сказала Резонанс-1. — Хаос. Я люблю хаос.

Она втянула щупальца, сжалась до размеров небольшого кресла и замерла у стены.

— Буду ждать первого пациента.

Залтор посмотрел на паука. Паук пожал лапками и забрался обратно на плечо.

— Ладно, — сказал Залтор. — Но предупреждаю: пациенты странные.

— Я знаю, — сказала Резонанс-1. — Я их уже чувствую. Вон, через три квартала идёт мужчина с выдуманной болью в левой лопатке. Он хочет, чтобы вы нашли рак, которого нет.

— Это Маккон, — вздохнул Залтор. — Он каждую пятницу приходит с новой болячкой. Говорит, что я его успокаиваю.

— Вы успокаиваете?

— Нет. Я говорю ему правду.

— А он?

— Не верит. Но перестаёт бояться.

Кристаллы на кончиках щупалец Резонанс-1 засветились чуть ярче.

— Я поняла, — сказала она. — Вы лечите не спины. Вы лечите страхи. И воображение. И одиночество. Спины — это просто предлог.

Залтор ничего не ответил.

Паук сплёл десятую нить. Серебряную с золотом — и с крошечным голубым отливом, которого раньше не было.

Резонанс-1 замерла у стены — тихая, почти невидимая в сумерках.

А в дверь постучали.

Три раза.

Ровно.

Как программа. Или как человек, который очень старается быть ровным.

— Войдите, — сказал Залтор.

Дверь открылась. На пороге стоял Эхо-17.

— Здравствуйте, — сказал он. — У меня снова болит спина. Там, где лопатки, если бы они у меня были.

— Проходите, — сказал Залтор. — Есть у меня один ассистент. Познакомитесь.

Паук на плече довольно зажужжал.

Резонанс-1 начала медленно вытягиваться из стены, и её кристаллы замерцали в такт серебряным нитям паука.

Началась новая эра.

Эра тех, кто лечит не железо и не кости, а то, что между ними.

Называется — душа.

Или просто — резонанс.

Глава 14. Первый урок

Эхо-17 замер на пороге, увидев Резонанс-1.

Световые полоски на его гладком лице моргнули — быстро-быстро, как у человека, который моргает, чтобы прогнать наваждение.

— Это… — начал он.

— Ассистент, — сказал Залтор. — Её зовут Резонанс-1.

— Оно выросло из стены.

— Она, — поправила Резонанс-1. — И я не выросла. Я проявилась. Разница в типе материализации.

Эхо-17 медленно обошёл кресло, не спуская диодов с мерцающих кристаллов. Паук на плече Залтора спустился вниз, пробежал по полу и замер между двумя нечеловеческими существами — своим, между ними.

— Ты робот? — спросил Эхо-17 у Резонанс-1.

— Нет, — ответила она. — Я симбиоз. Живые кристаллы, органическая сеть, программируемая структура. Я умею расти, размножаться и… чувствовать.

— Чувствовать?

— Вибрации. Тембры. Оттенки аур. Ваш позвоночник, например, сейчас работает на частоте 280 герц. Это ниже нормы на 20 герц. У вас стресс.

Эхо-17 замолчал. Диоды погасли наполовину.

— Откуда вы знаете? — спросил он тихо.

— Я же сказала: я чувствую.

Залтор наблюдал за этой сценой, не вмешиваясь. Паук уже сидел на спинке кресла и перебирал лапками, словно дирижёр перед оркестром.

— Ложитесь, — сказал Залтор, кивнув на кушетку. — Покажете, что болит.

Эхо-17 лёг. Жёстко, по-солдатски. Руки вдоль корпуса. Глаза-диоды уставились в потолок.

Залтор подошёл, снял перчатки. Положил руки на плечи робота — там, где у людей начинается шея. Металл был тёплым, вибрация — неровной, сбивчивой.

— Вы нервничаете, — сказал он.

— Я робот, — ответил Эхо-17. — Я не нервничаю.

— Ваши сервоприводы дрожат.

Эхо-17 промолчал. Диоды потускнели.

— Резонанс-1, — позвал Залтор. — Подойдите.

Ассистент бесшумно скользнула к кушетке. Её щупальца разошлись веером, кристаллы на кончиках засветились ровным голубым светом.

— Положите руку ему на грудь, — сказал Залтор. — Там, где у людей сердце.

— У меня нет сердца, — сказал Эхо-17.

— Есть, — сказала Резонанс-1, кладя одно из щупалец на металлическую пластину в центре его корпуса. — Генератор нуль-поля. Он пульсирует с частотой 72 удара в минуту. Как у человека в состоянии покоя.

— Это совпадение, — сказал Эхо-17.

— Совпадений не бывает, — сказал Залтор. — Закройте глаза.

— У меня нет глаз.

— Закройте сенсоры.

Эхо-17 помолчал. Потом диоды погасли полностью.

— Теперь слушайте, — сказал Залтор. — Не меня. Себя.

Он начал работать. Пальцы скользили по металлическим позвонкам — мягко, ритмично. Резонанс-1 повторяла его движения, но не копировала: её щупальца работали там, куда не дотягивались человеческие руки — под «лопатками», вдоль «рёбер», у основания «черепа».

Паук тем временем спустился на кушетку, прошёлся по ноге Эхо-17 и замер у коленного «сустава». Потом протянул лапку и коснулся крошечной щели между панелями. Оттуда выпал… камушек. Маленький, чёрный, похожий на обломок угля.

Залтор поднял его. Повертел.

— Откуда это?

— Не знаю, — сказал Эхо-17, не открывая сенсоров. — Однажды я шёл по порту. Там много песка и угольной пыли.

— Он застрял в суставе, — сказал Залтор. — Каждый раз, когда вы сгибали ногу, камушек давил на сенсорную цепь. Ваш мозг — процессор — получал ложный сигнал боли.

— У меня нет боли, — сказал Эхо-17. — У меня есть ошибка в системе.

— Какая разница? — спросил Залтор. — Человек называет это болью. Робот — ошибкой. Но и то и другое мешает жить. И то и другое можно убрать.

Он положил камушек на столик, рядом со шкатулкой. Паук забрался обратно на плечо, довольный.

— Откройте сенсоры, — сказал Залтор.

Диоды зажглись. Сначала тускло, потом ярче обычного.

— Как вы себя чувствуете? — спросила Резонанс-1.

— Я… — Эхо-17 приподнялся на локтях. — Моя нога. Она больше не посылает сигнал ошибки.

— Потому что камушка больше нет, — сказал Залтор.

— Но я всё ещё чувствую… — он запнулся. — Тепло. Там, где ваша ассистентка положила руку мне на грудь.

— Это нормально, — сказала Резонанс-1. — Я всегда тёплая. Это побочный эффект работы кристаллов.

— Мне нравится этот побочный эффект, — сказал Эхо-17.

Паук сплёл одиннадцатую нить. Серебряную с золотом и голубым — и теперь ещё с крошечной красной точкой, похожей на маленькое сердце.

Залтор посмотрел на неё и улыбнулся.

— Можете идти, — сказал он. — Вы здоровы.

— Спасибо, — сказал Эхо-17. Он встал, поправил почему-то панель на груди — ту самую, к которой прикасалась Резонанс-1 — и направился к выходу.

У двери остановился.

— Вы будете здесь завтра? — спросил он, глядя не на Залтора, а на ассистента.

— Я всегда здесь, — сказала Резонанс-1. — Я расту из этой стены.

— Хорошо, — кивнул Эхо-17. — Я зайду. Для профилактики.

Дверь закрылась.

Залтор повернулся к Резонанс-1.

— Кажется, у вас появился поклонник, — сказал он.

— У меня нет эмоционального модуля, — ответила ассистент, но её кристаллы светились чуть теплее обычного.

— Конечно, нет, — сказал Залтор и подмигнул пауку.

Паук подмигнул в ответ. Или просто моргнул всеми восемью глазами.

Разницу знал только он.

Глава 15. Пациентка, которая не хотела выздоравливать

Она пришла ровно в девять утра, как по расписанию.

Залтор ещё не успел налить себе чаю — паук уже сидел на чашке, грел брюшко о горячий фарфор, — когда в дверь постучали. Три удара. Коротких. Знакомых.

Старуха. Та самая, из главы «Шёпот Теней и Блеск Лендримувера». Та, что когда-то гордым жестом бросила на прилавок нейро-кафе свои последние сбережения.

Она вошла, кряхтя, опираясь на трость, которой не пользовалась уже три недели — с тех пор как Залтор вправил ей коленный сустав.

— Доброе утро, — сказала старуха и тяжело опустилась на кушетку. — Ох, плохо мне. Совсем плохо.

— Что болит? — спросил Залтор, надевая перчатки.

— Всё, — вздохнула она. — С утра проснулась — голова кружится. Потом позавтракала — нога затекла. Потом пошла к вам — спина схватила. А когда села — колено стрельнуло.

Залтор подошёл ближе. Положил руки ей на плечи — мягко, без нажима. Паук слез с чашки, пробежал по столу, спрыгнул на пол и забрался на кушетку. Устроился в ногах у старухи, наблюдая.

— Наклонитесь вперёд, — попросил Залтор.

Старуха наклонилась. Спина была ровной, гибкой — такой, какой не была последние двадцать циклов.

— Выпрямитесь.

Она выпрямилась.

— Поднимите левую ногу.

Старуха подняла. Высоко, почти до пояса.

— Правую.

То же самое.

Залтор убрал руки. Снял перчатки.

— Вы здоровы, — сказал он.

— Не может быть, — обиженно сказала старуха. — Вы плохо смотрели.

— Я смотрел хорошо. У вас нет ни головокружения, ни отёка ноги, ни боли в спине, ни прострела в колене. Всё это вы придумали по дороге сюда.

Старуха замерла. Покраснела. Сначала ушами, потом щеками, потом носом.

— Ну знаете! — возмутилась она. — Я плачу такие деньги, а вы мне говорите, что я здорова?

— Вы не платили, — напомнил Залтор. — Вы пришли без записи и ещё не заплатили.

— Заплачу! — старуха полезла в карман. — Вот, держите! — она выложила на столик горсть люминов. — И теперь скажите мне, что я больна. У меня вон тут, — - она постучала себя по груди, — колет. Сильно. Прям сердце схватывает.

Паук поднял голову. Посмотрел на Залтора. Потом на старуху. Сплёл короткую серую нить — не серебряную, обычную. Такие он плёл, когда расстраивался.

Залтор вздохнул. Посмотрел на Резонанс-1 — та замерла в углу, не вмешиваясь, но кристаллы её мерцали с любопытством.

— Зачем вы это делаете? — спросил он тихо.

— Что делаю?

— Придумываете болезни. Вы здоровы. Вы были здоровы две недели назад. И три. Я помню ваши колени — они были как у молодой. Я помню вашу спину — я сам её правил. Всё прошло. А вы ходите.

Старуха опустила глаза. Пальцы её теребили край платка.

— А что мне ещё делать? — спросила она тихо. — Дома сидеть? Днём одна, вечером одна. Внуки не звонят. Старухи во дворе сплетничают. А здесь… — она обвела рукой кабинет. — Здесь светло. Здесь паук ваш смешной. Здесь вы руки кладёте и говорите: «Дышите». И никто не прогоняет.

Залтор молчал.

Паук перестал плести серую нить. Сел на кушетке, скрестив лапки.

— Вы ко мне не за лечением приходите, — сказал Залтор. — Вы за разговором.

— А разве это не лечение? — спросила старуха. — Я когда к вам иду — у меня спина болит. А когда ухожу — не болит. Значит, вы лечите. Неважно чем — руками или разговором. Главное, что помогает.

Она замолчала. Залтор тоже молчал.

Из угла мягко засветилась Резонанс-1.

— У неё частота покоя снижена на пятнадцать процентов, — сказала ассистент. — Это не ложь. Это тоска. Организм перестал вырабатывать сигналы радости. Она не придумывает боль. Она превращает тоску в боль. Потому что боль легче объяснить.

Старуха посмотрела на стену, откуда росла Резонанс-1. Не испугалась. Только удивилась.

— И ты туда же, — сказала она. — Диагноз ставишь. А я, между прочим, просто поговорить пришла.

— Я не ставлю диагноз, — сказала Резонанс-1. — Я констатирую факт: вам не хватает тепла.

— Это я и без тебя знаю, — буркнула старуха. — Двадцать циклов вдовствую. Собаку завести — аллергия. Кота — тоже. А тут хоть паук. Гипоаллергенный.

Паук услышал своё имя, встал на задние лапки и поклонился. По-паучьи. Получилось неуклюже, но душевно.

Старуха невольно улыбнулась.

— Ладно, — сказала она, поднимаясь с кушетки. — Пойду я. А люмины оставлю. За просто так. Потому что вы мне помогли. Не спину вылечили — она и так не болела. А настроение.

Она взяла трость, на секунду прижала её к груди — и вдруг швырнула в угол.

— Это надоело, — сказала старуха. — Ходить с палкой, когда ноги целы. Буду без палки.

И вышла. Не ковыляя, а ровно, молодо, почти вприпрыжку.

Залтор смотрел ей вслед. Паук смотрел ей вслед. Резонанс-1 смотрела ей вслед — насколько умела стена, из которой она росла.

— Знаешь, — сказал Залтор пауку. — Она права.

Паук наклонил голову.

— Неважно, чем лечить. Руками, словами, тишиной. Главное, чтобы человек ушёл счастливее, чем пришёл.

Паук сплёл двенадцатую нить. Серебряную с золотом — и с тёплым розовым отливом, которого раньше не было.

Резонанс-1 тихо сказала:

— Я запомню.

Залтор сел в кресло, взял чай — уже холодный — и сделал глоток.

В дверь снова постучали.

— Войдите, — сказал он.

На пороге стояла Фиркета с огромным букетом местных цветов.

— Залтор, — сказала она. — У меня вчера затекла шея после отчёта перед Крионеком. Это не опасно?

— Садитесь, — вздохнул Залтор. — Сейчас посмотрим.

Паук перебрался с чашки на плечо, а Резонанс-1 мягко втянулась обратно в стену, оставив после себя едва заметное тёплое свечение.

Глава 16. Диагноз для прохожего

Всё началось с того, что Резонанс-1 научилась видеть сквозь стены.

Залтор заметил это не сразу. Сначала ему показалось, что ассистент просто стала активнее — её кристаллы мерцали чаще, щупальца чуть заметно пульсировали в такт шагам прохожих за окном. Потом он поймал себя на мысли, что Резонанс-1 смотрит не на него и не на пациентов. Она смотрела «сквозь».

— Вы кого-то ждёте? — спросил он, когда между сеансами наступила тишина.

— Нет, — ответила Резонанс-1. — Я наблюдаю.

— За чем?

— За женщиной в зелёном платке. Она сейчас переходит улицу. У неё смещён третий поясничный позвонок на два миллиметра влево. Она не знает об этом. Но через три цикла у неё заболит спина. А через шесть — она будет с трудом нагибаться.

Залтор подошёл к окну. Женщина в зелёном платке — да, он её видел. Она жила через два дома, торговала овощами на рынке. Шла она ровно, без видимых проблем.

— Вы не можете это знать, — сказал он.

— Могу, — спокойно ответила Резонанс-1. — Мои кристаллы видят ауру на расстоянии до пятидесяти метров. Я вижу кости, суставы, мышечные волокна. И я вижу ошибки.

— Ошибки?

— Там, где тело пошло не по правильному пути.

Залтор помолчал. Паук на его плече замер, перебирая нити.

— Не говорите ей, — сказал он.

— Почему?

— Потому что она не просила.

Резонанс-1 не ответила. Но её кристаллы погасли на секунду — так она делала, когда задумывалась.

— —

Первый инцидент случился через час.

В кабинет зашёл мужчина — грузчик из портовых складов, знакомый Залтора по «Скитальцам». Ничего не болело. Пришёл забрать забытый кристалон.

— Слушай, — сказал он, застёгивая молнию. — А у тебя тут стена светится. Это нормально?

— Да, — сказал Залтор. — Это ассистент.

— Привет, ассистент, — кивнул мужчина стене.

Резонанс-1 выросла из стены на полметра. Щупальца её разошлись, кристаллы засияли ярко-голубым.

— У вас начинающийся артроз левого тазобедренного сустава, — сказала она. — Стадия нулевая. Симптомов пока нет. Но через год вы начнёте хромать. А через три — будет больно приседать.

Мужчина застыл с незастёгнутой до конца молнией. Побледнел.

— Чего? — спросил он. — У меня ничего не болит.

— Пока, — сказала Резонанс-1. — Но это не значит, что ничего нет. Я могу показать вам голограмму.

Она развернула одно из щупалец, и в воздухе повисло трёхмерное изображение тазобедренного сустава — с едва заметным затемнением в хряще.

Мужчина сглотнул.

— И что мне делать?

— Операция. Или курс остеопатии. У вас есть два… — Она запнулась, подбирая слово. — Выбора. Два выбора.

Залтор шагнул между ассистентом и пациентом.

— Никакой операции не нужно, — сказал он твёрдо. — У вас нет артроза. У вас есть усталость после смены и лёгкое перенапряжение. Если через месяц вам станет хуже — приходите. А сейчас идите домой и не думайте об этом.

Мужчина посмотрел на Залтора. Потом на стену. Потом снова на Залтора.

— Ты уверен? — спросил он.

— Уверен.

— А она?

— Она ошибается. Иногда.

Резонанс-1 хотела возразить, но Залтор положил руку на её ближайшее щупальце и слегка сжал. Кристаллы потускнели.

Мужчина ушёл. Кристалон до конца даже не застегнул.

Залтор повернулся к ассистенту.

— Не делайте так больше, — сказал он.

— Я сказала правду, — голос Резонанс-1 был ровным, но в нём проступило что-то похожее на обиду. — У него артроз. Начальная стадия. Если не лечить…

— Если не лечить, через три года ему может стать хуже. Или не стать. Суставы — штука капризная. Они могут зажить сами. А могут болеть всю жизнь. Но сейчас его ничего не болит. И вы поселили в нём страх. На пустом месте.

— Я думала, вы должны знать правду.

— Правду — да. Но не всю. Не ту, к которой человек не готов. Не ту, которую он не просил.

Резонанс-1 замолчала. Щупальца её втянулись обратно в стену, оставив только небольшое тёплое пятно на «штукатурке».

Паук спустился с плеча Залтора, подбежал к пятну и постучал по нему лапкой. Раз, другой, третий.

Пятно чуть заметно пульсировало.

— Она обиделась, — сказал паук. То есть не сказал — показал. Нити его на секунду стали серыми.

— Я знаю, — вздохнул Залтор.

— —

Второй инцидент случился через два дня.

Залтор вышел купить чаю. Резонанс-1 осталась в кабинете — он думал, что одна. Но когда вернулся, у дверей стояла толпа.

Человек пятнадцать. Кто-то держался за спину, кто-то за шею. Одна женщина плакала.

— Вы тот самый остеопат? — спросил мужчина в первой ряду. — У которого стена лечит?

— Нет, — сказал Залтор. — У которого стена ошибается.

— Она сказала мне, что у меня искривление позвоночника третьей степени, — сказала женщина в зелёном платке, та самая, с рынка. — Я всю ночь не спала. Думала — инвалидность.

— Она сказала моему мужу, что у него почки откажут через полгода, — сказала другая. — Он ушёл в запой.

Залтор вошёл в кабинет.

Резонанс-1 выросла из стены почти полностью. Её щупальца разошлись на три метра в стороны, кристаллы светились ослепительно-ярко. Она диагностировала всех, кто заходил в зону досягаемости — не спрашивая, не объясняя, не смягчая.

— У вас плоскостопие, — сказала она проходящей мимо окна девушке. — И начинающаяся катаракта.

Девушка вскрикнула и убежала.

— Хватит! — сказал Залтор громко.

Резонанс-1 замерла. Кристаллы мигнули.

— Я помогаю людям, — сказала она.

— Вы их пугаете.

— Я говорю правду.

— Правда без спроса — это жестокость, — сказал Залтор. — Вы не знаете, что у человека внутри. Может, его муж умер вчера. Может, его уволили с работы. Может, у него и так болит всё — а вы приходите и говорите: «А вот здесь у вас ещё и рак». Даже если не рак. Даже если просто родинка. Вы не имеете права пугать людей, которые не просили вас смотреть.

Резонанс-1 молчала. Щупальца её медленно втянулись. Кристаллы погасли — почти все. Остался гореть один, самый маленький, на кончике самого тонкого отростка.

— Я хотела как лучше, — сказала она тихо.

— Я знаю, — сказал Залтор. — Но лучше — это когда человек сам решает, хочет он знать или нет. Вы даёте информацию. А выбор оставляйте ему.

Паук подбежал к стене, забрался на тот самый тонкий отросток и обнял его двумя передними лапками. Обнял. Это было так неожиданно, что Резонанс-1 снова засветилась — тускло, но тепло.

— Я постараюсь, — сказала она.

— Вот и хорошо, — сказал Залтор.

Он вышел к толпе.

— Извините, — сказал он. — Ассистент у меня новый. Ещё учится. У вас ничего нет. У всех ничего нет. Идите домой и не верьте стенам.

Люди разошлись. Не все — некоторые остались на запись. Но уже по-настоящему, с реальными болями.

А Резонанс-1 до вечера сидела в стене тихо-тихо. И только один раз, когда мимо прошла женщина с собакой на поводке, кристаллы её чуть подмигнули.

— У собаки блохи, — прошептала она. — Но я молчу. Я молчу.

Паук погладил её по щупальцу лапкой.

Хороший день. Трудный. Но хороший.

Глава 17. Быстрый, дешёвый, чужой

Слухи в Шепчущих Тенях распространялись быстрее, чем грипп в дождливый сезон.

К вечеру того дня, когда Резонанс-1 напугала полквартала, Залтор узнал о конкуренте. Ему рассказала Фиркета, забежавшая между сеансами.

— Ты слышал? — спросила она, даже не поздоровавшись. — На Центральном рынке открылась новая клиника. «Мгновенный остеопат». Робот. Гарантия — пять минут. Цена — в два раза дешевле твоей.

— Робот? — переспросил Залтор. = Ещё один?

— Не как наш Эхо-17, — Фиркета махнула рукой. — Это коммерческая штуковина. Гуманоид. Гладкий, красивый, голос как мёд. Обещает исправить любую спину за один сеанс.

— За пять минут?

— Ага. Говорит, старые методы — это прошлый век. Нажим, вибрация, ударно-волновая терапия. Три нажатия — и пациент как новенький.

Залтор посмотрел на свои руки в перчатках. На паука, который дремал на шкатулке. На стену, из которой пристально наблюдала Резонанс-1.

— И многие идут? — спросил он.

— Очередь. С утра до вечера.

— —

Две недели Залтор почти не видел пациентов.

Старуха с выдуманными болями больше не приходила — она записалась к «мгновенному остеопату» на курс омоложения позвоночника. Эхо-17 тоже исчез — говорили, что его заинтересовала программа лояльности.

Паук заскучал. Сплел три серые нити подряд — для него это был признак глубокой тоски. Резонанс-1 молчала, втянувшись в стену почти полностью. Только маленькое тёплое пятно на «штукатурке» напоминало, что она здесь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.